

ЭРВЕЛЕТЕЛЛЕ

ДАНО

МДА

Сорпус

ГОНКУРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2020 ГОДА

ЛИЯ

18+

РОМАН

Эрве Ле Теллье

Аномалия

«Corpus (АСТ)»

2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Ле Теллье Э.

Аномалия / Э. Ле Теллье — «Corpus (АСТ)», 2020

ISBN 978-5-17-135709-2

“Аномалия” — роман-сенсация. Именитый французский писатель Эрве Ле Теллье, автор двух десятков книг, получил Гонкуровскую премию и стал мировой знаменитостью, сочинив фантастическую историю о двойниках и таинственных силах вселенной. Роман, написанный в 2020 году, повествует о событиях ближайшего будущего, уже ставшего для нас недалеким прошлым. В июне 2021 года из Парижа в Нью-Йорк прилетает самолет с тем же экипажем и теми же самыми пассажирами, которые сто дней назад, в марте, прибыли тем же рейсом. При этом все они, прилетевшие в июне, уверены, что на дворе март, то есть три месяца выпали из их жизни. Ученые ломают голову над такой аномалией, военные готовятся отразить вторжение неведомого врага, а героев романа обуревают страсти. Ловкий киллер, влюбленный архитектор, начинающая актриса, неудачливый писатель, беременная адвокатесса — каждый по-своему борются за любовь, за своих детей и за право на жизнь. “Аномалия” оказалась едва ли не самым популярным романом из всех, отмеченных Гонкуровской премией за 118 лет ее существования. В одной только Франции меньше чем за год продажи превысили миллион экземпляров. Права на перевод купили 40 стран. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-135709-2

© Ле Теллье Э., 2020
© Corpus (ACT), 2020

Содержание

Часть первая	7
Блейк	7
Виктор Месель	13
Люси	17
Дэвид	21
Болтанка	25
София Клефман	28
Джоанна	34
Дело Месея	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эрве Ле Теллье

Аномалия

И то, что я называю вас сном, тоже сон¹.

Чжуан-цзы

Настоящий пессимист знает, что поздно быть пессимистом.

Виктор Месель

Аномалия

© Éditions Gallimard, Paris, 2020

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

18+

Часть первая

Черен как небо (март – июнь 2021 года)

Есть одна восхитительная вещь, неизменно превосходящая знания, интеллект и даже гениальность, – это непонимание.

Виктор Месель

Аномалия

Блейк

Убийство – это не конец света. Следи, подмечай, думай, долго думай и в нужный момент уйди в пустоту. Вот оно. Уйди в пустоту. Умудрись сузить вселенную, и так сузить, чтобы она сосредоточилась в ружейном дуле или на острие ножа. И все. Главное, не сомневайся и не действуй в состоянии аффекта, просто выбери определенный протокол и методично ему следуй. Блейк знает как, и так давно знает, что уже не знает, когда, собственно, этому научился. А остальное приложится.

Блейк существует за счет чужих смертей. Только вот не надо нравоучений. На этические вопросы, ради бога, он ответит статистикой. Потому что – тут Блейк извиняется, – когда министр здравоохранения урезает бюджет, здесь томограф изымет, там врача сократит или, скажем, упраздняет отделение реанимации, он прекрасно отдает себе отчет, что значительно умаляет шансы на жизнь многих тысяч незнакомых ему людей. Ответственен, но не виновен², знакомая песня. Блейк-то как раз наоборот. Да и вообще ему что, теперь оправдываться, что ли, плевать он хотел.

Убивать – это не призвание, а предрасположенность. Настрой души, если угодно. Блейку одиннадцать лет, и его еще не зовут Блейк. Он сидит рядом с матерью в “пежо”, они едут по шоссе, недалеко от Бордо. И ведь тихо же едут, собака перебегает дорогу, их подбрасывает, но почти не заносит, мать вскрикивает, жмет на тормоз, слишком резко, машину разворачивает, мотор глохнет. Не выходи, дорогой, господи, только не выходи. Блейк не слушается, идет за ней следом. Серый колли еще жив, удар пришелся ему в грудную клетку, кровь стекает к обочине, он скулит, кажется, будто младенец плачет. Мать в панике мечется туда-сюда, закрывает руками глаза Блейку, что-то невнятно бормочет, собирается вызвать скорую. Ну мам, подумай, собака, делов-то. Колли задыхается на потрескавшемся асфальте, скрученное разбитое тело застыло в странной позе, его сотрясают конвульсии, но и они постепенно стихают, он умирает на глазах у Блейка, а Блейк с любопытством смотрит, как животное выпускает дух. Все кончено. Мальчик изображает на лице легкую печаль, ну, скорее то, что он понимает под печалью, чтобы мать не расстраивать, но ничего при этом не чувствует. Мать в ужасе застывает над собачьим трупом, Блейку надоело, он тянет ее за рукав. Мам, да ладно, что тут стоять, он сдох же, ну давай, все, поехали, а то я опоздаю на футбол.

А еще убийство требует навыков. Блейк узнал, что у него с этим все в порядке, в тот день, когда дядя Шарль взял его с собой на охоту. Три выстрела – три зайца, прямо юное дарование. Он целился быстро, стрелял метко, умел приноровиться к самым поганым карабинам и ружьям со сбитым прицелом. Девочки таскали его за собой на аттракционы, эй, ну пожалуйста, добудь мне жирафа, слона, геймбой, во, супер, давай еще! И Блейк раздавал им плюшевых зверей и электронные игрушки, он стал грозой тиров, а потом решил особо не светиться. Дядя

² “Ответственна, но не виновна” – знаменитая фраза бывшего министра социальных дел Франции Жоржины Дюфуа по поводу ее роли в так называемом деле о зараженной крови (1991 г.).

Шарль научил его еще перерезать горло косулям, разделять кроликов, Блейк в восторге. Только поймите правильно, он не получал никакого удовольствия, пристрелив и добив раненое животное... Он же не маньяк какой-то. Нет, ему нравится мастерский отточенный жест, безупречный автоматизм, достигнутый в результате долгих тренировок.

Блейку двадцать лет, он учится в школе отельеров в небольшом альпийском городке под своей чисто французской фамилией – Липовски, Фарсати или Мартен. И вовсе не за неимением лучшего, не надо грязи, он мог заняться чем угодно, электроника ему тоже пришлась по душе, да и программирование, у него обнаружили способности к языкам, ему, кстати, хватило жалких трех месяцев стажировки у Лэнга в Лондоне, чтобы заговорить по-английски почти без акцента. Но больше всего Блейк любит готовить, любит за мимолетное ощущение пустоты, возникающей в те мгновения, когда он придумывает рецепты, за то, как неспешно течет время даже в лихорадочной кухонной суете, как долго тянутся секунды, пока он смотрит, как на сковородке тает сливочное масло, или тушит белый лук, взбивает суфле. Он любит благоухание специй, любит сочинять в тарелке композиции цветов и ароматов. Он мог бы стать первым учеником в своей школе отельеров. Ну, блин, Липовски (или Фарсати, или Мартен), нельзя ли как-то полюбезнее с клиентами, вам бы это не повредило. Мы работаем в сфере обслуживания – обслуживания, вам ясно, Липовски (или Фарсати, или Мартен)!

Как-то вечером в баре один парень, пьяный вдрызг, сказал ему, что хочет кое-кого убить. У него наверняка была веская причина, по работе или из-за телки, Блейку все равно.

– Ты бы сделал это за деньги?

– С ума сошел, – фыркнул Блейк. – Больной на всю голову.

– Я хорошо заплачу, не обижу.

Он предложил сумму с тремя нулями. Но Блейк в ответ только расхохотался.

– Нет. Ты шутишь?

Блейк пил медленно, куда торопиться. Парень рухнул на барную стойку, Блейк потряс его за плечо.

– Слушай, есть у меня кое-кто на примете, он возьмется. За двойную цену. Я с ним лично не знаком. Завтра я тебе скажу, как с ним связаться, но потом ты никогда и словом об этом не обмолвишься, идет?

В ту ночь Блейк и придумал Блейка. В честь Уильяма Блейка, которого он прочел, посмотрев “Красного дракона” с Энтони Хопкинсом, и еще потому, что ему понравилось стихотворение:

Мать с отцом ломали руки —
Народился я на муки!
Я, беспомощный, кричал,
Словно бес меня терзал³.

И потом, Блейк – блэк, блик и клик – блекнет лик.

На следующий же день на одном из североамериканских серверов из женеvского интернет-кафе регистрируется пользователь *blake.mick.22*.

Блейк купил с рук за наличные подержанный ноутбук, приобрел старенький мобильник *Nokia* с предоплаченной симкой, фотоаппарат, телеобъектив. Полностью экипировавшись, ученик повара сообщил мужику из бара координаты “Блейка” – “впрочем, не поручусь, что у него прежний электронный адрес”, и принялся ждать. Через три дня новый знакомый послал Блейку путаный мейл – осторожничает, ясное дело. Задаёт вопросы. Прощупывает почву. Иногда выжидает целые сутки, прежде чем ответить. Блейк писал ему о целевом сегменте, логи-

³ Перевод С. Степанова.

стике, сроках доставки, и такая предусмотрительность в конце концов успокоила заказчика. Они договорились, и Блейк запросил половину суммы в качестве аванса, а это уже четыре нуля. Когда тот сказал, что смерть должна выглядеть естественной, Блейк удвоил тариф и потребовал месяц на исполнение. И чувак, убедившись, что имеет дело с профессионалом, принял все его условия.

Но для Блейка это премьера, приходится импровизировать на ходу. Он и без того до ужаса дотошен, практичен и изобретателен. Да и фильмов насмотрелся. Голливудским сценаристам невдомек, что киллеры обязаны им по гроб жизни. С самого начала своего творческого пути он настаивал, чтобы деньги и информацию заказчик оставлял ему в полиэтиленовом пакете в указанном им месте, будь то автобус, фастфуд, стройка, мусорный бак, парк. Старался избегать слишком безлюдных мест, где он у всех на виду, но и слишком людных тоже, потому что там он сам никого не срисует. Блейк приходил туда за несколько часов, чтобы понаблюдать за окрестностями. В перчатках, в куртке с капюшоном, шляпе и очках. И еще он покрасил волосы, научился обращаться с накладными усами и бровями, убирать и округлять щеки, обзавелся парой десятков номерных знаков всех стран мира. Со временем Блейк поднаторел в метании ножа *half-spin* и *full-spin*⁴, зависит от дистанции, в изготовлении бомб, извлечении из медуз необнаруживаемого яда, и за несколько секунд собирал и разбирал 9-миллиметровый браунинг и “Глок-43”, оплату получал в биткоинах, поскольку в криптовалюте транзакции невозможно отследить, и на них же покупал оружие. Он завел себе сайт в *Deep Web*, и *DarkNet* вскоре стал для него детской забавой. Потому что в интернете полно обучающих чему угодно программ. Кто ищет, тот всегда найдет.

Итак, его жертва – мужчина лет пятидесяти, у Блейка есть его фотография и фамилия, но про себя он называет его Кен. Да, как мужа Барби. Удачная мысль: Кена вроде как и не существует в реальности.

Кен живет один, и на том спасибо, думает Блейк, будь это женатый мужик с тремя детьми, к нему пойдешь подступись. Вот только учитывая его возраст с естественной смертью особо не разгуляешься: автомобильная авария, утечка газа, сердечный приступ, случайное падение. Раз два и обчелся. Блейк еще не набил руку на порче тормозов и выведении из строя рулевого управления, не представлял, где достать хлорид калия, чтобы вызвать остановку сердца, да и отравление газом ему как-то не зашло. Лучше пусть грохнетя. Десять тысяч смертей в год. Главным образом старики, но ничего, сойдет. И хоть Кен далеко не атлет, о рукопашной не может быть и речи.

Кен жил в трехкомнатной квартире на первом этаже дома в пригороде Анмаса. Первые три недели Блейк наблюдал и примеривался. На аванс купил подержанный фургончик “рено”, с горем пополам его обустроил – одно сиденье, матрас, аккумуляторы для дополнительного освещения – и припарковался на пустынной стоянке на небольшом возвышении, прямо над поселком. Сверху ему открывался прекрасный вид на нужную квартиру. Каждое утро Кен выезжал около половины девятого, пересекал швейцарскую границу и около семи вечера возвращался с работы. В выходные его иногда навещала женщина, преподаватель французского в Бонвиле, в десятке километров оттуда. Самым рутинным, самым предсказуемым днем оказался вторник. Кен появлялся раньше обычного, тут же бежал в тренажерный зал, часа на два, вернувшись, проводил минут двадцать в ванной комнате, потом ужинал перед телевизором, какое-то время сидел за компьютером и ложился спать. В общем, вечер вторника – самое то. Блейк послал сообщение клиенту, следуя условленному коду: “Понедельник, восемь вечера?” Плюс день, плюс два часа. У заказчика будет алиби на десять вечера во вторник.

⁴ Техника оборотного и безоборотного метания (англ.).

За неделю до назначенного срока Блейк отправил к Кену курьера с пищей. Разносчик позвонил в дверь, Кен, ничего не спрашивая, открыл, стал что-то изумленно с ним обсуждать, и тот ретировался с коробкой в руках. Блейк узнал все, что хотел.

В следующий вторник он уже сам явился к Кену с пищей, быстрым взглядом обвел безлюдную улицу и, стоя на лестничной площадке, надел черные нескользящие бахилы, подтянул перчатки, подождал немного и позвонил в дверь в тот самый момент, когда Кен вышел из душа. Кен в халате открыл ему, вздохнул, увидев коробку с пищей у него в руках. Но он не успел ничего возразить, пустая коробка упала на пол, и Блейк разом вдавил ему в грудь оба электрошокера, не отнимая их, когда Кен, отброшенный зарядом, валился на колени, и держал их так еще секунд десять, пока тот окончательно не замер. Производитель гарантирует восемь миллионов вольт, Блейк испытал один шокер на себе и чуть не потерял сознание. Он оттащил Кена, стонущего и пускающего пену, в ванную, снова для полноты картины шибанул в него током и изо всех сил – он отработал это движение на кокосовых орехах раз десять подряд – обхватил руками голову несчастного, приподнял его вверх за виски и что есть мочи швырнул о бортик ванной, череп раскололся, от удара отломился кафельный ромбик. Кровь сразу залила все вокруг, алая и вязкая, как лак для ногтей, источая приятный запах теплой ржавчины, Кен так и валялся с открытым ртом, вид у него был ужасно глупый, выпученные глаза уставились в потолок. Блейк распахнул его халат – следов от электрошока не осталось. Он аккуратно уложил тело, исходя из гипотетической траектории смертельного падения по законам гравитации.

И вот тут, когда он встал, любуясь своей работой, его охватило неизбежное желание поссать. Кто бы мог подумать. Вообще-то в фильмах убийцы не писают. Ему уже совсем невтерпех, может, воспользоваться унитазом, ну а что, потом он все тщательно за собой вымоет. Но если вдруг полицейские проявят элементарную сообразительность или, на худой конец, методичность и будут строго следовать инструкции, они обнаружат его ДНК. Никуда не денешься. Во всяком случае, Блейку так кажется. Так что, невзирая на мольбы мочевого пузыря, он решил неукоснительно следовать изначальному плану, хоть и кривился от мучительных позывов. Он взял кусок мыла, прижал его к пятке Кена, провел мыльную черту на полу и бросил мыло по линии предполагаемого скольжения: оно отскочило и приземлилось за унитазом. Отлично. Следователь страшно обрадуется такой находке и будет счастлив, что разгадал загадку. Блейк до отказа повернул горячий кран, направил гибкий душ на лицо и туловище покойника и, старясь уклониться от обжигающих брызг, вышел из ванной.

Метнувшись к окну, он задернул шторы и в последний раз оглядел комнату. Никто не догадается, что тело оттащили на несколько метров, да и розоватая вода уже затопляет пол. Компьютер включен, на экране пестрят картинки английских газонов и цветочных клумб. А Кен-то был заядлым садоводом. На улице Блейк снял перчатки и неторопливо двинулся к своему скутеру, припаркованному в двухстах метрах от подъезда. Проехав километр, он остановился, чтобы уже наконец отлить. Черт, забыл снять бахилы.

Два дня спустя равнодушный коллега Кена позвонит в полицию, и вскоре выяснится, что Самюэль Тадлер погиб в результате несчастного случая. В тот же день Блейк получит остаток суммы.

Но это все в прошлом. С тех пор Блейк ведет двойную жизнь. В первой он невидимка, обладатель двух десятков имен и стольких же фамилий, на каждую из которых у него имеется отдельный паспорт, часто даже подлинный биометрический, и соответствующее гражданство, вообще это все гораздо проще, чем кажется. В другой жизни он носит имя Джо и управляет на довольно большом расстоянии премилой парижской компанией по доставке на дом готовых вегетарианских блюд, с филиалами в Бордо, Лионе, а теперь еще в Берлине и Нью-Йорке. Флора, его сотрудница и по совместительству жена, и двое их детей жалуются, что он слишком часто уезжает, а иногда и слишком надолго. Что есть, то есть.

* * *

21 марта 2021 года.

Квог, штат Нью-Йорк

Двадцать первого марта Блейк работал на выезде. Он бежал под морозящим дождиком по мокрому песку. Длинные светлые волосы, бандана, солнечные очки, желто-синий спортивный костюм, короче, неприметная пестрота спортсмена. Он прилетел в Нью-Йорк десять дней назад по австралийскому паспорту. Его трансатлантический перелет прошел ужасно, он успел попрощаться с жизнью, полагая, что небеса взывают к отмщению за все его подвиги. В бездонной воздушной яме блондинистый парик чуть не слетел у него с головы. И вот уже девятый день он совершает трехкилометровую пробежку по пляжу под свинцовым небом Квога, вдоль вилл за десять миллионов баксов, не меньше. Обустроили дюны, назвали недолго думая улицу Дюн-роуд, засадили ее соснами и тростником, заслонив соседние дома, чтобы у любого жителя возникало тут чувство, что океан дан ему в единоличное пользование. Блейк бежал мелкой трусцой, не спеша, и внезапно остановился, как останавливался каждый день в одно и то же время, пробегая мимо чудесной виллы, обшитой широкими хвойными досками, с плоской кровлей, большими окнами и террасой, спускающейся ступеньками прямо к воде. Он делал вид, что запыхался, сгибался пополам, словно у него закололо в боку, как бы невзначай поднимал голову и радостно махал издали упитанному мужичку лет пятидесяти, который, облокотившись на парапет, пил кофе под навесом в компании высокого, коротко стриженного брюнета, явно помоложе. Брюнет с вечно озабоченным видом держался в сторонке, у дощатой стены, устремив взгляд на песчаную отмель. С левого бока невидимая кобура оттопыривала пиджак. Значит, правша. Сегодня, второй раз за неделю, Блейк с приветливой улыбкой пошел к ним по грунтовой дорожке, между зарослями дрока и низкой травой.

Точно рассчитанным движением он потянулся, зевнул, вынул из рюкзака махровое полотенце, аккуратно промокнул лицо, следом вытащил фляжку, сделал большой глоток холодного чая. Подождал, пока тип постарше обратится к нему.

– Привет, Дэн. Как дела?

– Хай, Фрэнк, – откликнулся Дэн-Блейк. Он по-прежнему демонстративно задыхался и морщился от боли в боку.

– Та еще погодка для пробежки, – сказал Фрэнк, который с тех пор, как они познакомились неделю назад, успел отрастить усы и седую бородку.

– Да и денек еще тот, – поддакнул Блейк, останавливаясь в пяти метрах от них.

– Я утром думал о вас, наблюдая за курсом акций *Oracle*.

– И не говорите. Знаете, что я могу предсказать курс на несколько дней вперед?

– Да ладно?

Блейк аккуратно сложил полотенце, убрал его в рюкзак, потом, не торопясь, засунул следом фляжку и рывком выдернул оттуда пистолет. В ту же секунду он трижды выстрелил в брюнета, его отбросило назад, на скамейку, затем трижды – в ошарашенного Фрэнка, тот едва вздрогнул, рухнул на колени и привалился к балюстраде. И тому и другому досталось по две пули в грудь и по одной прямо в лоб. Шесть выстрелов в секунду из *P226* с глушителем, хотя грохот волн и так бы их перекрыл. Очередной заказ выполнен без сучка без задоринки. Сто тысяч долларов как нечего делать.

Блейк сунул “Зиг Зауэр” в рюкзак, подобрал в песке шесть гильз, вздохнул, взглянув на поверженного телохранителя. Ну да, очередная фирма нанимает охранников с парковки, обучает их за два месяца и выкидывает несчастных дилетантов в реальный мир. Если бы этот козел добросовестно выполнял свои обязанности, он бы передал своим боссам имя Дэна, его фото, сделанное издали, название компании *Oracle*, мимолетно упомянутой Блейком, и те бы

успокоили его, убедившись, что некий Дэн Митчелл, длинноволосый блондин, подозрительно похожий на Блейка, действительно является замдиректора по логистике *Oracle* в Нью-Джерси, зря, что ли, Блейк пересмотрел десятки органиграмм, чтобы среди тысяч лиц найти себе удобоваримого двойника.

И Блейк побежал дальше. Дождь уже лил всюду, размывая его следы. Арендованную “тойоту” он припарковал в двухстах метрах от дома, ее номерные знаки были сняты с точно такой же машины, которую он заприметил на прошлой неделе на улицах Бруклина. Через пять часов Блейк полетит в Лондон и оттуда “Евростаром” уедет в Париж, уже под другим именем. Хорошо бы на обратном пути его трясло поменьше, чем во время перелета Париж – Нью-Йорк десять дней назад.

Блейк стал профессионалом, и ему больше не хочется писать при исполнении.

* * *

Воскресенье, 27 июня 2021 года, 11.43.

Париж, Латинский квартал

Если спросить Блейка, он скажет, что лучший кофе в квартале Сен-Жермен пьют в баре на углу улицы Сены. Под хорошим кофе Блейк понимает по-настоящему хороший кофе, то есть чудо, рожденное в результате удачного сотворчества превосходного свежееобжаренного зерна тончайшего помола, в данном случае из Никарагуа, и отфильтрованной смягченной воды в кофемашине – они завели себе *Cimbali* и чистят ее ежедневно.

С тех пор как Блейк открыл свой первый вегетарианский ресторан на улице Бюси, недалеко от Одеона, он стал тут завсегдатаем. Если уж и предаваться унынию, то лучше сидя на террасе парижского кафе. В квартале все его знают под именем Джо, уменьшительным от Джонатана, Джозефа или Джошуа. Даже для сотрудников он – Джо, его фамилия нигде не упоминается, за исключением разве что списка акционеров холдинга, куда входит его компания. Блейк всегда был помешан на секретности, или, скажем так, дискретности, и каждый божий день он убеждается, что не зря.

Но в этой жизни Блейк ослаблял бдительность. Он ходил за покупками, забирал детей из школы, и с тех пор как во все четыре ресторана они наняли управляющих, даже выбирался иногда с Флорой в театр или в кино. Обычное житье-бытье, где, конечно, тоже никто не застрахован от увечий, но только потому, что, провожая Матильду в пони-клуб, по рассеянности стукнешься лбом о дверь стойла.

Обе его личности четко разграничены. Джо и Флора выплачивают кредит на чудную квартирку возле Люксембургского сада, а Блейк двенадцать лет назад купил за наличные в красивом здании на улице Лафайет, у Северного вокзала, гарсоньерку с бронированными дверями и окнами, надежную как сейф. Официальный квартиросъемщик исправно платит арендную плату, но его имя раз в год меняется, что не составляет никакого труда, учитывая, что такового нет в природе. Береженого бог бережет.

Итак, Блейк пил кофе без сахара и треволений и читал книгу, рекомендованную Флорой; он не сказал жене, что узнал автора в самолете, когда в марте летел из Парижа в Нью-Йорк. Уже полдень, Флора отвезла Квентина и Матильду к своим родителям. Обедом он пренебрег, потому что сегодня утром назначил встречу на три часа по поводу полученного накануне заказа. Задача явно несложная, оплата хорошая, клиент, судя по всему, торопится. Надо будет просто забежать переодеться на улицу Лафайет, все по схеме. Неподалеку, метрах в тридцати от его столика, какой-то человек в капюшоне наблюдает за ним с непроницаемым лицом.

Виктор Месель

Виктор Месель не лишен обаяния. Его худое в юности лицо с годами округлилось, густые волосы, римский нос и смуглая кожа делают его слегка похожим на Кафку, но Кафку-здоровяка, которому удалось разменять пятый десяток. Он крупный, высокий и все еще стройный, хотя от сидячего образа жизни, присущего людям его профессии, слегка располнел.

Дело в том, что Виктор – писатель. Увы, несмотря на то, что критика тепло приняла его романы “Горы сами к нам придут” и “Неудавшиеся провалы”, а также на одну очень парижскую премию – впрочем, красная рекламная манжетка с ее названием, украсившая книгу, не гарантирует массового наплыва читателей, – продажи так никогда и не превысили нескольких тысяч экземпляров. Подумаешь, трагедия. Виктор убедил себя, что отрезвление – это отнюдь не провал.

В сорок три года, пятнадцать из которых он пишет книги, литературный мирок видится ему шутовским поездом, где безбилетники шумно рассаживаются в первом классе при попустительстве бездарных контролеров, а на перроне остаются скромные гении – исчезающий вид, к коему Месель не смеет себя причислить. При этом он не озлобился; просто теперь ему на все наплевать, на книжных ярмарках он покорно высиживает положенное время на стенде своего издательства, подписывая по одной книге в час; когда у его товарища по несчастью, сидящего рядом, возникают паузы, они мило беседуют. Месель, хоть и кажется часто отсутствующим и отстраненным, имеет репутацию остроумца, несмотря ни на что. Впрочем, по-видимому, всякий уважающий себя остроумец является им “несмотря ни на что”.

Месель живет на переводы. С английского, русского и польского, на котором в детстве с ним говорила бабушка. Он перевел Владимира Одоевского и Николая Лескова – писателей позапрошлого века, но их теперь почти не читают. Иногда он пробавляется совсем уж ерундой, например, по заказу одного фестиваля он переложил “В ожидании Годо” на клингонский – язык жестоких инопланетян из “Звездного пути”. Чтобы произвести хорошее впечатление на своего банкира, Виктор переводит англоязычные бестселлеры, развлекательное чтиво, придающее литературе статус окултуренной макулатуры. Профессия переводчика открыла ему двери авторитетных, а то и влиятельных издательств, однако его собственные сочинения остались за бортом.

Месель всегда носит в кармане джинсов талисман – ярко-красный кирпичик “Лего”, самый классический, восьмиточечный. Он вынул его когда-то из крепостной стены замка, который они с отцом возводили в детской. Потом на стройке у отца произошел несчастный случай, и их незавершенный шедевр так и остался стоять возле кровати Виктора. Мальчиком он часто молча смотрел на зубчатые стены, подъемный мост, маленьких человечков и донжон. Продолжать строительство одному, да и разобрать то, что есть, означало бы смириться со смертью. Однажды он вытащил из стены кирпичик, сунул его в карман и демонтировал крепость. Это было тридцать четыре года назад. Дважды Виктор терял кирпичик и дважды брал другой, точно такой же. Сначала он очень переживал, потом уже не заморачивался. Когда в прошлом году умерла мама, он положил кирпичик ей в гроб и немедленно заменил его. Нет, красный кубик не олицетворяет отца, это память памяти, штандарт семейных уз и сыновней верности.

У Месеся нет детей. Что касается личной жизни, то он с завидным энтузиазмом наступает на одни и те же грабли. Он не умеет проявлять свои чувства, и в них никто не верит, ему не с кем пройти рука об руку по жизни – такую женщину он, увы, не встретил. Либо он сам упорно выбирает себе спутниц, с которыми ему это не грозит.

Ну не совсем. С *той* женщиной он познакомился четыре года назад в Арле, во время коллоквиума литературных переводчиков: на семинаре, где он объяснял, как переводить юмор в романах Гончарова, она сидела в первом ряду. Он изо всех сил старался смотреть не только

на нее. Его задержал потом один издатель: “Может, переведете для нас русскую феминистку Любовь Гуревич? Что скажете? Отличная идея, да?” – и Виктору не удалось сбежать. Но через два часа, в терпеливой очереди за десертом, она, улыбаясь, встала прямо за ним. Кстати, о любви – сердце сразу ее чувствует и возвещает о ней. Конечно, никто не станет признаваться девушке в своих чувствах вот так, с бухты-барухты. Ведь не поймет. Поэтому, не допуская мысли, что коготок увяз, мы заводим с ней беседу.

И уже доедая свой шоколадный фондан, Виктор повернулся и обратился к ней. Он спросил, запинаясь от смущения, как перевести *crème anglaise*⁵ на английский, учитывая, что *french cream* – это крем Шантильи⁶. Да, увы, ничего лучше он не придумал. Она вежливо рассмеялась, ответила: “Ascot cream”, – ее хриплый голос показался ему феерически прекрасным – и вернулась за столик к подругам. Он не сразу сообразил, что Аскот тоже ипподром, как и Шантильи, только английский.

Они то и дело переглядывались – понимающе, хотелось бы ему думать, – и он демонстративно направился в бар, надеясь, что она к нему присоединится, но она была слишком увлечена разговором. Чувствуя себя безмозглым юнцом, Месель побрел в отель. Среди фотографий докладчиков он ее не нашел, при этом ничуть не сомневался, что еще пересечется с ней, и в первой половине дня под разными предлогами ходил на все мастерские подряд. Напрасно. На заключительную вечеринку она тоже не явилась. Как в воду канула. Завтракая в отеле перед самым отъездом, он описал ее приятелю из дирекции, но “маленькая”, “очаровательная” и “брюнетка” – та еще зарисовка.

На эти переводческие коллоквиумы Виктор ездил еще два года подряд, и, что уж греха таить – только чтобы повстречаться с ней. С тех пор – а это грубейшее нарушение профессиональных законов – он стал вплетать в свои переводы коротенькие пассажи с упоминанием ипподрома в Аскоте или заварного крема. Начал он свою преступную деятельность как раз со сборника статей Гуревич, и в первый же текст – “Почему нужно дать женщинам все права и свободу” – он вписал фразу “Свобода – не заварной крем на шоколадном торте, а неотъемлемое право”. Очень даже ненавязчиво, а вдруг? Ведь она же заинтересовалась Гончаровым. Но увы. Если она и прочла книгу, то наверняка не заметила намека, как, впрочем, и издатель, да и остальные читатели тоже. Виктор прозевал свою жизнь, и тут было от чего прийти в отчаяние.

* * *

В начале года некая франко-американская организация, финансируемая культурным отделом посольства Франции, присудила ему премию за перевод одного из триллеров, которыми он зарабатывал себе на жизнь. В начале марта Виктор отправился на вручение в США, и его самолет попал в чудовищную турбулентность. Грозовые вихри кидали самолет из стороны в сторону, и казалось, эта болтанка никогда не кончится. Командир корабля говорил какие-то утешительные слова, но никто из пассажиров не сомневался, а Месель и подавно, что они рухнут в море и разобьются, врезавшись в стену воды. Несколько долгих минут он сопротивлялся, вцепившись в подлокотники, напрягал мышцы, чтобы не мучиться при каждом толчке. Пытался не смотреть в иллюминатор, из которого открывался вид на ночь и град. И вот впереди, в нескольких рядах от себя, неподалеку от спящего без задних ног блондина в капюшоне, он увидел ее. Заметил он эту женщину еще на посадке, он не сводил бы с нее глаз. И не то чтобы они прямо одно лицо, но она вдруг отчетливо напомнила ему исчезнувшую арлезианку. Судя по ее хрупкости, тонким чертам лица, гладкой коже и грациозному телу, это была еще совсем юная девушка, но, разглядев крошечные морщинки вокруг глаз, он понял, что ей скорее уже

⁵ Заварной крем (франц.).

⁶ От франц. la crème chantilly – взбитые сливки.

под тридцать. Очки в черепаховой оправе оставили на коже эфемерные мушинные крылышки. Иногда она улыбалась своему соседу, мужчине постарше, возможно, это ее отец, их, похоже, забавляли скачки самолета, разве что они специально разыгрывали непринужденность, потому что так спокойнее.

Но тут самолет ухнул в очередную воздушную яму, и у Виктора внутри что-то вдруг сломалось, он закрыл глаза и отдался на волю тряске, даже не пытаясь удержать равновесие. Он ощущал себя подопытной мышью – в состоянии сильного стресса они прекращают борьбу и смиряются со смертью.

Наконец, после невыносимо долгой паузы, самолет вылетел из грозы. Но Месель так и сидел в прострации, скованный чудовищным чувством нереальности происходящего. Вокруг него постепенно возобновлялась жизнь, люди смеялись, плакали, но он созерцал эту суету как сквозь запотевшее стекло. Командир корабля запретил отстегивать ремни до приземления, впрочем, Месель, совершенно выдохшийся, все равно не смог бы подняться. Как только двери самолета открылись, пассажиры ринулись прочь, им не терпелось оказаться снаружи, и салон быстро опустел, но Месель, оцепенев, словно врос в свое кресло у иллюминатора. Стюардесса похлопала его по плечу, он нехотя встал. И снова стал думать о молодой женщине, еще настойчивее, чем раньше. Ему почудилось, что ей одной будет под силу вырвать его из бездны небытия, он искал ее глазами, но ее нигде не было видно, и в очереди на паспортный контроль ее тоже не оказалось.

В аэропорту его ждал заведующий отделом книги посольства.

– Вы точно в порядке, месье Месель? – участливо спросил он онемевшего, растерянного переводчика.

– Да. Мы чуть не погибли, мне кажется. Но я нормально.

Сотрудник посольства встревожился, услышав его тусклый голос. До самого отеля они не обменялись больше ни единым словом. Назавтра, заехав за Меселем ближе к вечеру, он понял, что тот весь день проторчал в номере и ничего не ел. Он чуть ли не насильно заставил его встать под душ и одеться. Прием был организован в книжном магазине “Альбертина” на Пятой авеню, напротив Центрального парка. В нужный момент, повинуясь настойчивому знаку атташе по культуре, Месель вытащил из кармана торжественную речь, написанную еще в Париже, и отрешенным тоном сообщил, что задача переводчика заключается в том, чтобы “путем перевоплощения высвободить чистый язык из тисков произведения”, с вялой напыщенностью выложил все хорошее, что не думает об американской писательнице, высокой, небрежно накрашенной блондинке, которая стояла, улыбаясь, рядом с ним, и внезапно умолк. Ощущая неловкость ситуации, писательница забрала у него микрофон, горячо его поблагодарила и обнадежила собравшихся, пообещав, что им предстоит встреча с очередными двумя томами ее фантастической саги. Затем наступило время коктейля; Месель побрел туда с отсутствующим видом.

“Черт, учитывая, во что нам обошлась эта тусовка, мог бы и врубиться”, – проворчал себе под нос атташе по культуре. Заведующий отделом книги лениво попытался защитить Месея, все равно он завтра утром улетит обратно.

Вернувшись в Париж, Месель сел писать, словно под диктовку, и неподконтрольный ему автоматизм этого процесса вверг его в бездны ужаса. Книгу он назовет “Аномалия”, и она станет седьмым его произведением.

За всю свою жизнь я не совершил ни единого поступка. Я знаю, что меня, напротив, изначально сформировали именно поступки, и ни одно свое движение я не контролировал. Мое тело довольствовалось тем, что оживало между строчками, не мною начертанными. Какая все же наглость мнить себя хозяевами вселенной, притом что мы всего-навсего идем по пути наименьшего

сопротивления. Предел пределов. Ни один полет никогда не развернет наше небо.

За несколько недель Месель-графоман заполнил страниц сто в том же духе, лавируя между лирикой и метафизикой:

Устрица, выстрадавшая жемчужину, знает, что сознание – это только боль, в сущности, оно всего лишь наслаждение от боли. [...] Свежесть подушки всякий раз отсылает меня к бесполезной температуре моей крови. И если я дрожу от холода, то потому, что, кутаясь в теплый мех своего одиночества, я не в состоянии согреть весь мир.

Он уже несколько дней не выходил из дому. В последнем абзаце, обращенном к издательству, он говорит о том, до какой степени этот опыт дереализации, по сути, невыносим:

Я никогда не понимал ни как изменился бы мир, если бы меня не существовало, ни к каким берегам я бы его переместил, если бы мое существование было более насыщенным, мне невдомек, каким образом мое исчезновение исказило бы его движение. Вот я иду по дороге, чьи отсутствующие камни ведут меня в никуда. Я становлюсь точкой, в которой жизнь и смерть так близки, что сливаются воедино, и маска живого угасает на лице покойника. Сегодня утром, в ясную погоду, мне открывается вид на самого себя, и я такой же, как все. Я не прекращаю свое существование, но даю жизнь бессмертию. И наконец, я напрасно пишу финальную фразу, ибо она не ставит своей целью оттянуть этот момент.

Написав эти слова и отправив файл издательнице, Виктор Месель в приступе сильнейшей тревоги, суть которой ему никак не удавалось определить, шагнул с балкона и упал. Или выбросился. Он не оставил прощальной записки, но весь его текст – прелюдия к роковому прыжку.

Я не прекращаю свое существование, но даю жизнь бессмертию.

Это произошло двадцать второго апреля 2021 года, в полдень.

Люси

Понедельник, 28 июня 2021 года.

Париж, Менильмонтан

В предрассветных сумерках человек с угловатым лицом бесшумно толкает дверь спальни, его усталые глаза пристально смотрят на кровать, очертания которой еле угадываются в полумраке, – там спит женщина. Монтажный кадр длится три секунды, но Люси Богарт он не нравится. Слишком яркий, слишком рассеянный, слишком статичный. Наверное, оператор спал на ходу. Она отмечает, что при цветоустановке надо будет поиграть с гаммой, контрастом и немножко размыть картину на заднем плане, уж больно четко она выделяется. Люси слегка изменяет крупность, приближает лицо Венсана Касселя и сокращает длительность плана, чтобы придать ему динамику. На это у нее уходит ровно одна минута. Вот и все. Так гораздо лучше. Благодаря такому вниманию к деталям и кинематографическому чутью, Люси стала любимым монтажером многих режиссеров.

Сейчас еще совсем рано, пять утра, Луи спит. Через два часа она разбудит его, *to wake, woke, woken*, приготовит ему завтрак, *to eat, ate, eaten*, и да, повторит с ним неправильные английские глаголы по программе седьмого класса. Но пока ей надо срочно перемонтировать эту павильонную сцену нового фильма Майвенн, они собирались вместе посмотреть ее до полудня. Затылок ноет, в глазах резь, пора вставать. В большом зеркале над камином отражается невысокая худенькая женщина с юным воздушным силуэтом, у нее бледная кожа, точеные черты лица и короткие каштановые волосы. Большие очки в черепаховой оправе, нацепленные на тонкий греческий нос, придают ей вид студентки. Люси подходит к окну гостиной. Когда ее захлестывает ощущение пустоты, она прижимается лбом к холодному стеклу. Менильмонтан спит, но город засасывает ее. Вот бы покинуть свое тело и слиться со всем тем, что там, снаружи.

Приглушенно звякнул мейл. Увидев имя Андре, она вздохнула. Она злится, но не столько потому, что он ее достал, сколько потому, что он понимает, что хватит ее доставать, но удержаться не в состоянии. Как можно быть таким умницей и вместе с тем слабаком? Впрочем, любовь еще никогда не мешала сердцу попирать разум.

Она познакомилась с Андре три года назад, на вечеринке у приятелей-киношников. Она приехала поздно, и какой-то мужчина, собравшийся было уходить, решил задержаться. Все над ним потешались. Ну конечно, пришла красотка Люси, и наш Андре забыл, что спешит домой... Значит, это он, архитектор Андре Ванье из “Ванье & Эдельман”, она слышала о нем. Высокий, худой, на вид лет пятьдесят, но вполне вероятно, что он старше. У него длинные кисти рук, глаза грустные и веселые одновременно, и в них еще не померкла молодость. Люси сразу почувствовала, что стоило ей заговорить, как она пленила его, и ей понравилось, что он ее пленник.

Вскоре они снова встретились. Он ухаживал за ней очень сдержанно, но не потому, поняла она, что боялся показаться смешным, просто не хотел ее смущать. Поначалу она его отвергла, очень деликатно. Тем не менее они постоянно виделись, и всякий раз он был предупредителен, остроумен, внимателен. Она догадывалась, что он стесняется своей холостяцкой жизни и старается обойти эту тему, и подозревала, что любовниц у него хоть отбавляй, а магии ни на грош.

Однажды, весенним вечером, он пригласил ее к себе на ужин. Она удивилась, какие разношерстные у него друзья: весьма концептуальная художница, английский хирург проездом, журналистка из “Монд”, библиотекарь, налегавший на выпивку, и даже некий Арман Мелуа, человек изысканный и утонченный, который – узнала она за ужином – руководит французской контрразведкой. Так Люси попала в его большую квартиру в османовском доме, очень

просто обставленную, в основном деревянной и индустриального стиля мебелью, заваленную книгами, романами и не имеющую ничего общего со строгими холодными интерьерами, которые принято ожидать у архитекторов. Взяв с полки яркую гипсовую фигурку Микки-Мауса, она изумленно повертела ее во все стороны. Андре подошел к ней:

– Жуткое уродство, правда?

Люси улыбнулась.

– Купил его, чтобы хоть что-то у меня дома резало глаз. К уродству привыкнуть нельзя.

Это жизнь. Уродская, но жизнь.

Весь вечер Люси словно магнитом притягивал этот ужасный Микки-Маус. И вдруг, ни с того ни с сего, диснеевский мыш заговорил с ней, уверяя, что с этим человеком она может быть счастлива.

Она познакомила его с Луи. Андре не пришлось притворяться, ему на самом деле сразу понравился живой веселый мальчик, почти подросток, и он даже не пытался приручить его. При этом он прекрасно сознавал, что в борьбе за сердце Люси враги ему не нужны.

Как-то раз, прощаясь с Андре после обеда, Люси сделала шаг в сторону, чтобы перейти улицу, но он резко дернул ее за руку. Мимо пронесся грузовик. У нее заболело плечо, но она действительно чуть не погибла. Андре смертельно побледнел. Они застыли на месте, городские звуки вдруг резко усилились. Он часто дышал, она тоже, и, выдохнув, он прижал ее к себе:

– Я сделал тебе больно, извини, я испугался, подумал, что... я так тебя люблю.

Он отшатнулся, в ужасе от вырвавшегося признания, пробормотал сбивчивые извинения и ушел. Она посмотрела ему вслед и впервые заметила, что он ходит быстро, с прямой спиной, что он еще очень молод. Она никак не могла прийти в себя и позвонила ему только спустя две недели, а когда они увиделись, он ни словом не обмолвился о происшедшем.

Но он ведь произнес эти слова. Я тебя люблю. Люси испугалась. Ей еще не пришло время их услышать. Она прежде любила одного человека, он слишком часто и не к месту употреблял этот лживый глагол, унижал ее, издевался, исчезал, возвращался и исчезал снова. Ей хотелось сказать Андре, что она устала от всех этих мужиков, которые липнут к ней из-за нежной кожи, стройных ног и бледных губ, всего того, что они именуют красотой, то есть обещанием счастья, и ничего другого в ней не замечают. Устала от тех, кто охотится на нее, кто мечтает повесить ее на стенку очередным трофеем. Она заслуживает большего, нежели импульсивная похоть, ей надоело играть в эти игры. Ей хотелось сказать ему, что поэтому она мало-помалу и подпустила его к себе, и вот теперь она с ним. Потому что он ее не торопит, потому что она угадывает в нем мягкость и еще потому, что он уважительно к ней относится. Зачем же держать его в статусе старого безмолвного воздыхателя, надо порвать с ним немедленно либо уже отдаться ему полностью, уступить. Но пока она просто устыдилась, что ведет себя жестко, порой и жестоко, сопротивляясь растущему влечению к нему.

Прошла еще одна зима, и вот месяца четыре с чем-то назад, после ужина в *Kim*, корейском ресторанчике в Маре, где они уже стали завсегдатаями, он сказал:

– Знаешь, Люси, ты мне очень дорога, и я прекрасно понимаю, что стоит между нами, что против нас. Но если ты когда-нибудь захочешь выбрать меня спутником жизни, надолго ли – твое дело, – тебе самой придется сделать первый шаг...

У взгляда, который он на нее бросил, не было возраста, – она растерялась, она улыбнулась, и, как ни убеждала себя, что следует еще повременить, ей стало страшно, что он устанет от напрасного ожидания. В конце концов она решилась поймать за рыжий локон шалуна Кайроса, древнегреческого бога счастливого мгновения.

Она потянулась к Андре и, сев рядом на скамейку, нежно поцеловала. Самая романтическая комедия в английском духе никогда не возшла бы на такую бесподобную первую сцену. Впрочем, Люси ни о чем не пожалела.

С этой, в общем-то, волшебной минуты они с Андре больше не расставались.

Две недели спустя, в начале марта, Андре собрался в Нью-Йорк строить “Сильвер Ринг”, она заканчивала монтаж последнего фильма фон Тротта, и до Майвенн, то есть на месяц с лишним, у нее ничего не было запланировано. Он предложил ей полететь туда вместе: у них будет полно времени, они засвидетельствуют свое почтение уткам в Центральном парке, навещают Клее в Гуггенхайме и даже посмотрят бродвейский мюзикл. Она согласилась без колебаний, при условии что он сводит ее к себе на стройку. Таким образом, она на свой манер давала ему понять, что хочет “вписаться в его жизнь”. Вернувшись домой, она с удовольствием заранее собрала вещи. Какие книжки взять, а вот, Кутзее, да, и еще томик Ромена Гари в “Плеяде”, ничего, не так уж много он весит, и это черное платье, точно, оно мне так идет, а юбка уж больно коротка, но я надена колготки, в марте там ужасно холодно, и она обрадовалась обретенной наконец беззаботности. Луи согласился побыть это время у бабушки.

В полете их ужасно трясло, ей стало даже жутко. Самолет, казалось, вот-вот расколется пополам, она совсем собой не владела от страха, но Андре постоянно разговаривал с ней, улыбался. Она полюбила Нью-Йорк, который знала гораздо хуже, чем он. Они собирались провести там неделю, а остались на две. У дорожущего парикмахера в Ист-Виллидж она остригла свои длинные каштановые волосы совсем коротко. “Знаешь, раньше я бы точно не рискнула. Я начинаю новую жизнь”. Это, конечно, самый отстойный штамп, но она была благодарна Андре за то, что он не поддел ее. Она чувствовала, как умиротворяюще он на нее действует, как сильно они могут, да-да, любить друг друга.

А потом они вернулись в Париж, и все постепенно стало разваливаться. Мало-помалу экзальтация Андре, который то и дело норовил прижать ее к себе, бесконечно, по поводу и без оно, лез с поцелуями, жаждал “во что бы то ни стало представить ее своим друзьям”, словно добычу, захваченную в победоносной битве, отпугнула ее. Почему кошка, поймав мышку, так торопится лишиться ее жизни? Она не была готова к подобному нахрапу; ну зачем он так стремительно вторгается на ее территорию, лучше было бы не торопясь, спокойно притереться друг к другу. Жадность его рук отталкивала ее, гнетущая мужская похоть душила в зародыше ее собственное желание. Андре никак не хотел этого понять, и его ранимость, хотя он умело скрывал ее, становилась очевидной, ну нет, теперь, что ли, утешать его, вот еще, неохота, она не нанималась удовлетворять его тираническое вожеление, она не нанималась потакать его уязвленному нарциссизму, даже если это у него возрастное, не обязана выносить этот заискивающий взгляд щенка в собачьем приюте – забери меня, забери меня. Почему он упорно не замечает, что она чувствует себя в ловушке, оказываясь в его объятиях, в его постели? И во имя чего она должна угрызаться, что отказывает ему, она терпеть не может, когда на нее давят.

А потом, в начале июня, был последний ужин, тот самый ужин, во время которого Андре сделал попытку вернуть ее, хотя все уже пошло прахом, он настоял, чтобы они снова отправились в *Kim*, как будто тамошние старомодные интерьеры, полу-дзен полу-“Гангнам Стайл”, могли оказать на нее какое-то магическое действие, и он говорил, говорил безостановочно, и стыла стоящая перед ним *beosut cream pasta*, он слушал исключительно самого себя, изливал душу, не зная удержу, и каждая следующая красивенькая фразочка в этом словесном поносе делала его прощальную речь еще противнее. Она смотрела на него, он взял ее за руку, она покорно не отняла ее, хорошо бы оказаться подальше отсюда, сердце ее покрылось коркой льда, она беззлобно улыбнулась этому очаровательному господину, снова разом постаревшему, неужели он не соображает, что она уже ушла от него? Может быть, ей не хватило энергии, или просто любви... Боже, как она ненавидит это слово. Но Андре, несмотря ни на что, все-таки сыграл роль бальзама, пока не зарубцевались ее раны, своего рода целебной мази, которая теперь, когда она излечилась, оказалась невыносимо пахучей и прогорклой... Но нет, она неправa, не следует видеть красоту начала в горьком свете конца. Не она им пренебрегла, это он и только он не сумел быть на высоте их общих надежд.

Она настояла, чтобы они заплатили за ужин пополам, все способы хороши, чтобы намекнуть ему, что отныне они – это “он и она”, а никакие не “мы”. Тогда он протянул ей маленькую книжку: “Аномалию” Виктора Меселя. Где-то она слышала это имя.

– Прочти, тебе понравится...

Она открыла книгу наугад, на фразе “Надежда заставляет нас томиться перед дверью счастья. Когда надежды сбудутся, мы попадем в прихожую несчастья”. Боже, как образно, это не предвещает ничего хорошего. И чуть ниже: “Обольщать умеет каждый, разрыв – высокое искусство”. То есть она еще и художник. Высокое искусство – это прекрасно.

Она приняла подарок и ушла.

Это было три недели назад, задолго до отъезда Андре в Мумбаи, на строительство этой дурацкой башни Сояры или Суюры, он на все лады расхваливал ее за элегантность стиля, хотя Люси уже давно плевать, что он там строит.

На экране компьютера так и висит его вчерашний мейл, набранный жирным синим шрифтом.

Она наконец-то открыла его. В нем нет ни единой фразы, которая не показалась бы ей многословной, пустой, нелепой. Ничто не тронуло ее, впрочем, скорее всего, она просто уже ни на что не реагирует.

Мне хотелось бы пройти с тобой рука об руку как можно более длинный путь, самый длинный путь на свете.

Какая пошлятина!

Я так и не узнаю, понравился ли тебе в конце концов мой взгляд, обращенный на тебя, – влюбленный взгляд, исполненный желания.

Она закатила глаза. И на закуску жалкое самоуничижение:

Ответа я не жду.

А Люси и не думала отвечать.

Внезапно зажужжал телефон, номер не определился. Да как он смеет в понедельник так рано, еще же ночь, зная, что Луи спит в соседней комнате? Люси в ярости ответила, чтобы прекратить этот трезвон. Но услышала женский голос:

– Люси Богарт?

– Да, – произнесла Люси как можно тише.

– Комиссар Мопс. Национальная полиция.

– Но... Это какая-то ошибка.

– Вы родились 22 января 1989 года в Монтрёйе?

– Да.

– Хорошо. Мы поднимаемся к вам. Позвольте нам войти, будьте добры.

– С какой стати? Вы разбудите моего сына.

– Мы все вам объясним. У нас есть ордер на задержание, я прямо сейчас подсуну его вам под дверь. Откройте, пожалуйста.

Дэвид

29 мая 2021 года.

Нью-Йорк, Третья авеню

Фигус умирает от жажды. Бурые листья скукожились, некоторые ветки уже отсохли, просто статуя безысходности в пластиковом горшке – при условии, что растение вообще можно назвать статуей. Если его сейчас не полить, думает Дэвид, он погибнет. Логически рассуждая, где-нибудь на непрерывной шкале времени отыщется точка невозврата, момент непоправимого щелчка, после чего уже никто и ничто не спасет этот фикус. В четверг в 17.35 кто-нибудь его польет, и дерево выживет, но в тот же четверг в 17.36, кто бы ни появился с бутылкой воды – увы, зайка, очень мило с твоей стороны, явись ты тридцать секунд назад, да кто б возражал, чем черт не шутит, а сейчас ты что себе думал, единственная клетка, которая могла бы снова запустить процесс, последняя доблестная эукариотка, добудилась бы соседок, прокричав им “А ну-ка, девушки, встряхнулись, ноги в руки, выше нос, реагируем на сигнал, не распускаем нюни”, так вот, самая распоследняя клеточка приказала долго жить, так что ты опоздал со своей паршивой бутылочкой, пока-пока. Ну да, в какой-то точке временной шкалы.

– Дэвид?

Мягкий мужской голос пробудил Дэвида от растительных и экзистенциальных грез. Он встал и заключил в объятия высокого человека лет пятидесяти, чуть старше его самого, но уже совсем седого и при этом очень на него похожего, что не удивительно, учитывая, что у них много общей ДНК.

– Привет, Пол.

– Как ты, Дэвид? Джоди не пришла?

– Она придет, как только сможет. У нее сейчас лекция в Гёте-Институте, мне не хотелось, чтобы она ее переносила.

– Ладно.

Дэвид идет за братом в его кабинет.

Французский ампирный письменный стол, дубовые книжные шкафы, хрустальные светильники ар-нуво, плотные шторы темно-красного бархата, из окна открывается потрясающий вид на Лексингтонавено, и прямо напротив, на углу Третьей авеню, виднеется вход в их клуб пятничного сквоша. Эта комната хорошо замаскировала свое истинное предназначение. Это кабинет онколога, одного из лучших.

– Дэвид, хочешь кофе? Или чай?

– Кофе.

Пол засовывает капсулу в кофемашину, ставит под носик элегантную итальянскую чашку и умудряется еще несколько секунд не встречаться глазами с братом. Он догадывается, что Дэвид по тому, сколько раз он произнес сейчас его имя, уже все понял. В фильмах про войну, когда сержант говорит истекающему кровью солдату “Все будет хорошо, Джим, ты справишься, Джим”, ясно, что дело плохо. Благожелательная риторика, итальянский эспрессо с густой пенкой, попытки оттянуть разговор – все это не предвещает ничего хорошего.

– Держи.

Дэвид кивает, машинально берет чашку, но тут же ставит ее на стол.

– Давай. Я готов.

– Хорошо. Помнишь, Дэвид, вчера, во время эндосонографии мы сделали биопсию... Я получил результаты.

Пол отодвигает чашку, вынимает из конверта снимки, раскладывает их на столе перед братом.

– Этого я и опасался. Опухоль расположена на хвосте поджелудочной, прямо над тонкой кишкой, и она злокачественная. Раковая. Опухоль не только перекинулась на кровеносные сосуды и соседние лимфатические узлы, но и дала уже метастазы в печень и тонкую кишку. У тебя четвертая стадия.

– Четвертая стадия. В смысле?

– Рак слишком запущен, чтобы рассматривать возможность панкреатэктомии со спленэктомией, то есть удаления поджелудочной железы и селезенки.

Дэвид держит удар. У него учащается дыхание. Пол протягивает ему заранее наполненный стакан воды. Брат поднимает на него глаза. Это Пол заметил характерную нездоровую желтизну склер и потребовал, чтобы он прошел обследование. Дэвид делает глубокий вдох:

– Твои прогнозы?

– Поскольку оперировать поздно, мы проведем одновременно химию и облучение, чтобы уменьшить размер опухоли.

– Твои прогнозы, Пол? – повторяет Дэвид.

– Как тебе сказать... Это ужасная гадость.

– То есть? Мои шансы?

– Пятилетняя выживаемость составляет двадцать процентов, это по теории вероятностей. Но она ничего не значит, теория эта. Мы постараемся ее обскать. Я записал тебя на прием к Солу, чтобы у тебя было второе мнение. Он лучше всех. Он примет тебя без очереди, хоть завтра, я уже отправил ему результаты анализов и МРТ.

– В этом нет необходимости. Я тебе верю. Мы сделаем, как ты говоришь. Когда начнем?

– Зависит от тебя. С этого момента ты в отпуске, на три месяца по крайней мере. Предупреди сейчас же свою контору. У тебя нормальная страховка?

– Думаю, да. У меня не было случая в этом убедиться. Но наверняка все в порядке.

Дэвид встал, прошелся по кабинету. Его трясет от злости, только злость ли это? Все его тело отказывается проявлять бесстрашие. Господи, какой смысл перебирать в уме события предшествующих недель, почему его так неодолимо тянет определить масштаб собственной слепоты? Сколько дней прожил он в беззаботности, в последнем счастье неведения, потратив их на ужины, анекдоты, походы с детьми в кино, на секс с Джоди, на сквош с Полом, а ведь, может, всего-то и надо было, что КТ сделать месяца три назад, поставить диагноз и таким образом спастись, кто знает. Интересно, думает Дэвид, видимо, что-то во мне обо всем догадалось и оно же не захотело ничего знать.

– Давно это у меня?

– Не знаю. Трудно сказать. Опухоли с равным успехом может быть год или два месяца. Никто тебе точнее не скажет. Все виды рака поджелудочной ведут себя по-разному.

– Зря мы ничего не предприняли пару месяцев назад. Уже после этого адского перелета Париж – Нью-Йорк, когда самолет попал под град, я еле ноги таскал, помнишь? И моча была очень темная. Но я не удосужился сдать анализы.

– Не знаю. Нам главное – сосредоточиться на том, что можно сделать прямо сейчас, а можно еще много чего.

– Появились какие-нибудь новые методы? Лекарства?

– Да, мы задействуем все, что есть, и, если захочешь, попробуем пока еще экспериментальные препараты, вполне революционные штуки, которых пока нет на рынке, ложись на меня.

Пол, конечно, лжет, но все лучше, чем “мне очень жаль, Дэвид, ничего нового не придумали, это, повторяю, ужасная гадость, мы ничего не умеем, вообще ни хрена, никакого чудодейственного средства пока не нашли, мы даже не знаем, почему у разных пациентов один протокол лечения срабатывает лучше другого”.

– Это ведь довольно мучительный рак, да?

– Не беспокойся, мы сделаем все, чтобы уменьшить боли. Разумеется, от побочных эффектов никто не застрахован. Ничего не попишешь. Лучше так, чем никак...

Побочные. Как же! Да, братишка, тебя будет выворачивать наизнанку, ты будешь захлебываться блевотиной, у тебя выпадут волосы и брови, ты похудеешь на двадцать килограммов, и что в итоге? Все эти муки ради того, чтобы добиться отсрочки на два-три месяца, пятилетняя выживаемость составляет 20 %, да, 20 %, но не на твоей стадии, братишка, у тебя один шанс из десяти, да нет, и того меньше, черт, так нечестно, какая мерзость... Пол подтянул кресло поближе, сел рядом с Дэвидом, тот замер, застыл, сник. Пол дотронулся до его руки, но брат был уже далеко, он надеялся этим жестом погасить охватившую его леденящую панику, и еще ему захотелось вот так, одной рукой поглотить наступающую тьму и рассеять ее, ну да, что есть, то есть, с ума сойти, получается, что, несмотря на долгие годы практики и сотни потерянных пациентов, снова и снова проявляется магическое мышление, даже в недрах самого рационального рассудка, и тут же он внезапно вспомнил – почему именно сейчас? – как они хохотали на вечеринках в боулинге в Пеории, Дэвид бросал шары кое-как и все равно выбивал страйк, вот же гад, везунчик хренов, и запах пригоревшего розового зефира на плите у тети Люны, и сладкий земляничный аромат духов малютки-блонды Деборы Спенсер, которую они оба так сильно любили, а она в итоге переспала с этим придурком Тони Динозавром – почему, кстати, его так прозвали? – и речь Дэвида на первой свадьбе Пола, надо сказать, он полностью просрал свой брак с Фионой, уж просрал так просрал, так вот его дурацкую, смешную речь, великолепную речь, да, именно потому, что она была дурацкая и смешная, и рождение сына, его тоже назвали Дэвидом, и малыша Дэвида, спящего на руках дяди Дэвида, разрывавшегося от избытка чувств в роддоме, – все это сгинет, канет в черном вихре рака, тут у Пола вдруг навернулись слезы и полились неудержимо, черт возьми, онколог – и рыдает, ни в какие ворота. Он отошел, взял бумажный носовой платок и шумно высморкался.

В кабинет проник луч солнца. Он, конечно, сейчас нехстати, но пусть себе проникает, пусть поделится с Дэвидом своим золотистым светом, все же проблеск жизни, мимолетное чудо, когда в 17.21 это чертово солнце перекачивается на запад между двумя небоскребами на Третьей авеню, диво дивное длится ровно двенадцать минут, зимой и летом. В 17.33 его поминай как звали.

– Ладно, Дэвид. У меня сегодня нет пациентов. Дождемся Джоди, а пока что я объясню тебе план лечения.

Пол долго что-то объясняет, Дэвид слушает не перебивая. Но на следующий день Полу придется еще раз ему все объяснить, потому что он ничего не запомнил. Дэвид думал о лице Джоди, о ее взгляде, исполненном неопишемого отчаяния, о глазах детей – рано или поздно придется объяснить им тоже, что папа очень болен, Грейс, Бенджамин, дорогие мои, мужайтесь, теперь вы должны будете помогать маме и очень хорошо себя вести, ладно? И еще он подумал о своей медицинской страховке, хоть и отличной, конечно, но они же проведут свое расследование и упрекнут его, что он скрыл, что курил аж десять лет, с пятнадцати до двадцати пяти, и потом подумал о неизбежных болях, о деградации на финишной прямой, о кремации, даже о том, какую музыку выберет для друзей, надо что-нибудь посимпатичнее, да, Пол? Рок-н-ролл, блюз, только не занудный реквием кого-то там, еще он подумал о плате за учебу, о кредите на квартиру, который он заблаговременно погасил, вот идиот, ведь в случае смерти страховка его бы покрыла, он подумал обо всем, что будет и что произойдет потом, после того как. Он даже подумал о совсем странных вещах.

– Кстати, Пол... у тебя в приемной...

– Что?

– Фикус. Надо бы тебе его полить.

Сейчас 17.33, и солнце скрывается.

* * *

24 июня 2021, четверг, 22.28.

Нью-Йорк, больница Маунт-Синай

Фигус в приемной у Пола выжил. Но Дэвид туда уже не вернулся, он больше никогда не увидит, как проплывает солнце между небоскребами, да и вообще не увидит солнца. Палата 344 в Маунт-Синае выходит прямо на север, через несколько дней он наверняка ее освободит. В его заострившихся чертах поселилась смерть.

От болей ему дают экспериментальное нанолекарство, разработанное французами в дополнение к морфию, благодаря которому не требуется постоянно увеличивать дозировку. Врачи спасовали перед раком. Слишком он вирулентный, инвазивный, запущенный.

В дверь постучали, но никто не откликнулся: Дэвид лежит без сознания, рядом в кресле дремлет Джоди, измученная долгими бессонными ночами. Дети уже три дня живут у Пола. Дверь осторожно открылась, и в палату вошли двое мужчин в черных костюмах с золотыми бейджами. Один из них молча склонился над Дэвидом, зацепил палочкой слюну в уголках его губ, опустил ее в пробирку и тут же вышел. Второй вытащил мобильник, сфотографировал умирающего с трубкой в трахее, переслал кому-то картинку и сел на стул, не в состоянии оторвать глаз от изможденного лица.

Болтанка

10 марта 2021 года.

Восточное побережье США, международные воды,

42° 8' 50" N 65° 25' 9" W

Все счастливые полеты похожи друг на друга. Каждый турбулентный полет турбулентен по-своему. В 16.13 чуть южнее Новой Шотландии, перед самолетом, выполняющим рейс “Эр Франс” 006 Париж – Нью-Йорк, вырастает ватный барьер гигантского грозового облака. Атмосферный фронт поднимается, и очень быстро. До него еще лететь минут пятнадцать, но он растянут дугой на север и на юг на сотни километров и достигает потолка на высоте около 45 000 футов. “Боинг-787”, летящий по направлению к Нью-Йорку на высоте 39 000 футов, должен вскоре приступить к снижению, но обогнуть облако им не удастся, и в кабине пилота начинается суматоха. Второй пилот Гидеон Фавро сравнивает карты с показаниями метеолокатора. Гряда облаков и обширный холодный фронт на нем не видны, и Фавро уже не просто удивляется, он не может скрыть тревоги.

Мутная серая стена с радужной верхней кромкой, подсвеченной ослепительным солнцем, несется им навстречу на бешеной скорости, жадно пожирая облачный слой, который питает и поддерживает ее. Капитан Маркл вводит частоту диспетчерского центра Бостон, проверяет показания приборов, заметив на метеорадаре красное пятно на расстоянии 120 миль. Помотав головой, он отставляет чашку кофе, и тут Бостон отзывается на своей частоте.

– Всем самолетам в зоне Бостон-центра. В связи с исключительными погодными условиями на Восточном побережье, все аэродромы, кроме JFK, закрыты. Полчаса назад были отменены все взлеты на Восточном побережье. Ситуация меняется слишком быстро, и мы не смогли предупредить пилотов заранее. JFK Канарси открыт для посадки.

– Бостон-центр, добрый день, это “Эр Франс” 006, идем к Кеннебанку, эшелон три-девять-ноль. У нас впереди настоящий монстр. Разрешите курс три-пять-ноль для обхода следующие восемьдесят миль.

– “Эр Франс” 006, это Бостон-центр. Обход по своим средствам разрешен. Свяжитесь с Кеннеди на частоте 125.7. Bye bye.

Маркл поморщился, наблюдая, как с севера на юг неумолимо затягивает горизонт. Это его предпоследний полет через Атлантику, и небо явно вознамерилось сделать его незабываемым. Он связывается с аэропортом.

– Кеннеди-подход, это “Эр Франс” 006, у нас достаточно горючего, чтобы пройти вдоль грозового фронта, с отклонением курса на юг до Вашингтона.

Щелчок, другой женский голос, низкий.

– Сожалею, 006. Не выйдет. Такие же погодные условия до Норфолка и дальше. Сейчас на юге может быть еще хуже. Спуститесь, когда получится, на один-восемь-ноль и возвращайтесь на курс к Кеннебанку. Следуйте по плану.

Маркл качает головой, отрубает связь, хватая микрофон и ободряющим голосом объявляет пассажирам, сначала на английском, потом на вполне сносном французском:

– Говорит командир корабля, пожалуйста, немедленно займите свои места, пристегните ремни безопасности и отключите все электронные устройства. Мы входим в зону очень сильной турбулентности. Еще раз: очень сильной турбулентности. Прошу вас разместить ручную кладь и компьютеры под сиденьем впереди стоящего кресла или на верхней багажной полке. Не оставляйте открытыми жидкости и поднимите столики. Бортпроводники, пожалуйста, убедитесь, что пассажиры в безопасности, и немедленно займите свои места. Повторяю, после проверки безопасности пассажиров, пожалуйста, немедленно займите свои места.

Грозное облако приближается, это суперъячейка, совсем непохожая на классическое кучево-дождевое облако. То есть не просто одиночная облачная наковальня, которая вздымается до верхних слоев атмосферы, а десятки наковален, словно поднятых невидимой рукой и слившихся у границы тропопаузы. В океане корабли, видимо, попали в апокалиптический шторм. За двадцать лет полетов на дальняках Марклу ничего подобного видеть не приходилось. Во всяком случае, это уж точно гроза года. Верхняя граница стратосферного купола достигает шестнадцати километров. Он мог бы попытаться пройти между двумя очагами, но тогда самолет врежется в следующий. На метеорадаре – длинная красная косая черта, стена воды и льда.

– Ты видишь, как быстро оно растет? – волнуется Фавро. – Дойдя до края облака, мы угодим в такой нисходящий поток, мало не покажется. Нам сквозь него не пролететь.

Гидеон имеет все основания для беспокойства, думает Маркл, даже если он всего год летает на трансатлантических рейсах и три на дальняках. Он включает микрофон и обращается к пассажирам, пытаясь задорным тоном разрядить обстановку.

– *Hello, folks*, с вами снова командир корабля Маркл, я еще раз прошу вас оставаться на своих местах, пристегнуть ремни безопасности и проверить, пристегнуты ли дети, сидящие рядом с вами. Повторяю, отключите все электронные устройства. Весьма вероятно, что в течение следующей минуты мы попадем в воздушную яму. Бортпроводники, убедитесь, пожалуйста, что пассажиры в безопасности, и займите свои места... Жду подтверждения.

– Все на местах и пристегнуты, подтверждаю, – раздается голос старшей бортпроводницы.

– Хорошо, я не исключаю, что вас ждут сильные ощущения, и гарантирую, что вы не забудете этот полет, но, если вы пристегнуты, вам ничего не грозит, поверьте. Американские горки для любителей сельских ярма...

Внезапно, даже не достигнув еще грозного фронта, “боинг” проваливается в воздушную яму и начинает падать. Несмотря на прекрасную звукоизоляцию, Марклу и Фавро кажется, что они слышат, как кричат пассажиры.

Десять бесконечных секунд самолет длит свободное падение и врежется в облако в наилучшем месте из возможных – на юго-западной стороне очага, в пугающем пикировании под углом в 30 градусов при включении защитных режимов автоматики. “Боинг” подхватывают и крутят вихревые потоки облака, и в тот же миг в кабине пилота загорается свет, потому что вокруг ночь, темно хоть глаз выколи, и стоит ужасный грохот: сотни увесистых градин обстреливают самолет, испещряя впадинами пуленепробиваемые стекла. Кажется, что этим несколькими мгновениям нет конца, но, несмотря на шквалы смерча, “боинг” влетает в восходящий поток и немного восстанавливает подъемную силу; на этот раз у всех возникает ужасное чувство, что их расплющило на самом дне ямы.

Маркл, пристегнутый к креслу, выжимает максимум из обоих двигателей “Дженерал электрик”, потому что самолет оказался в зоне конвергенции, вот засада, ладно бы еще на Рио – Мадрид, у экватора, но что эта хрень делает посреди Северной Атлантики? Блядь, бред какой-то, у нас самые мощные движки, крылья редкой гибкости, еще не хватало расколоться пополам, словно кукурузник, ну уж нет. На симуляторе нам это сходило с рук десятки раз, даже при отказе двигателей, разгерметизации, даже если сдыхала вся авионика и приборы, черт, мы же не грохнемся взаправду. Маркл не думает ни о детях, ни о жене, пока еще не думает, возможно, пилоты погибают, не успев мысленно прокрутить свою жизнь, и Маркл вообще не думает о пассажирах, в данный момент он просто пытается спасти большой, тяжелый, неуклюжий “боинг”, повторяя заученные, бесконечно отрепетированные жесты, он доверяет своим рефлексам и двадцатилетнему опыту. Но что и говорить, дело плохо.

Смертельно бледные Маркл и Фавро, которых трясет и подбрасывает, сосредоточились на приборах, они борются с бурей, как позже выяснится, с самой страшной, самой внезапной

за последние десять лет, указатель оборотов левого двигателя показывает потерю мощности в 15 %, но электромагнитное грозное поле нарушило работу бортовой авионики. Наконец захваченный вихрем самолет начинает сопротивляться, держится более или менее горизонтально и в итоге стабилизируется, притом что град не ослабевает, но хоть лобовое стекло и покрыто выбоинами с внешней стороны, на его втором, внутреннем, слое нет никаких опасных микротрещин.

Как только толчки немного ослабевают, Маркл обращается к пассажирам. В салоне стоит оглушительный шум, но он пытается не сорваться на крик.

– *Sorry, folks*, за болтанку. Нам придется продолжать свой полет в Нью-Йорк сквозь грозное облако и, следовательно, трястись еще, по крайней мере...

Внезапно кабину пилота заливают ослепительное солнце, “боинг” резко ускоряется, и все моментально стихает, атмосферные невзгоды явно остались позади.

Маркл проверяет приборы и не верит своим глазам. Самолет летит отлично, двигатели работают нормально, но приборы явно сошли с ума. Несмотря на головокружительное падение в течение минимум пяти минут, высота вновь стабильно поддерживается на 39 000 футов, метеорадар отказывается сигнализировать хоть малейшую турбулентность, их курс – два-шесть-ноль.

Он снова берет микрофон:

– Ну что, как вы могли убедиться вместе со мной, мы только что вышли из облака без особых повреждений. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до дальнейших указаний и держите все электронные устройства выключенными. Бортпроводники, можете отстегнуть ремни, спасибо. Доложите, пожалуйста, о ситуации в пассажирском салоне.

Отложив микрофон, Маркл выставил на ответчике аварийный код 7700. Надел наушники, вызвал Кеннеди-подход.

– *Mayday, Mayday, Mayday*, Кеннеди-подход, это “Эр Франс” 006. В результате турбулентности при пересечении грозного слоя и значительного обледенения пострадавших нет, но у нас отказали все индикаторы и высоты, и скорости, радар глючит, лобовое стекло сильно повреждено.

На сей раз на диспетчерском пункте Кеннеди ему отвечает мужской голос, и в нем звучит удивление.

– *Mayday* принят, “Эр Франс” 006. Подтвердите код ответчика 7700.

– Нью-Йорк, “Эр Франс” 006, подтверждаю код 7700.

Голос, в котором сквозит абсолютное непонимание, повторяет:

– “Эр Франс”, это Кеннеди-подход, подтвердите код ответчика 7700. Я правильно вас понял, “Эр Франс” 006?

– Так точно, “Эр Франс” 006, *Mayday*. Подтверждаю код ответчика 7700, мы прошли сквозь большое градовое облако, лобовое стекло треснуло, носовой обтекатель, видимо, разрушен.

Связь прерывается на несколько долгих мгновений.

Маркл в недоумении поворачивается к Фавро. Он трижды ввел код, а Кеннеди до сих пор не в состоянии их идентифицировать.

Внезапно связь восстанавливается.

Женский голос на этот раз, но не такой певучий, как предыдущий. И не такой любезный.

– “Эр Франс” 006, сообщите, пожалуйста, кто пилотирует.

Маркл застыл с открытым ртом. За всю его карьеру никто ни разу не спрашивал имени пилота.

– “Эр Франс” 006, повторяю: сообщите, кто пилотирует.

София Клефман

Пятница, 25 июня 2021 года.

Ховард-Бич, штат Нью-Йорк

Лягушку Бетти, совсем иссохшую, обнаружил Лиам в субботу днем, на кухне, за батареей возле раковины. Она стала легкой как перышко и полупрозрачной, словно смятый, расплюснутый листок кальки, из которого смастерили квакшу, умело вырезав бедра и перепончатые лапки. Лиам говорит младшей сестре: она сдохла, твоя Бетти, сдохла, сдохла, ему прям весело, он пускается в пляс, вскинув руки вверх, Бетти сдохла, Бетти сдохла, и доводит Софию до слез.

Три недели назад Бетти сбежала из аквариума, наверное, помирала там со скуки, несмотря на красивый влажный мох, глянцевые зеленые растения и круглые серые камешки, любовно выбранные Софией, и даже на полскорлупы кокоса, служившей ей бассейном, а главное, несмотря на очень даже живых черных мух, которых она скармливала ей по вечерам, после школы. София поставила аквариум на низкий столик у себя в изголовье и каждую ночь, сев в кровати и завернувшись в одеяло, шепотом рассказывала лягушке, как прошел день, и та слушала ее, застыв в густой траве. Софии так хотелось, чтобы Бетти чувствовала себя в безопасности и еще, конечно, чтобы она была счастлива, но прежде всего, чтобы чувствовала себя в безопасности, ей хотелось надежно защитить ее от плотоядных, она недавно узнала это слово, и оно ей очень понравилось, может быть, потому что в нем звучит что-то тревожное. Но лягушка все равно сбежала. Должно быть, прыгала туда-сюда в поисках тепла и влаги и в конце концов свалилась этажом ниже, за чуть теплую железную батарею. Ей нечего было есть и пить, кожа потрескалась, как трескается земля в саду, если давно не было дождя, и вот, застыв в смерти, Бетти превратилась в эктоплазму лягушки.

Софии страшно к ней прикасаться, и Лиаму тоже, даже если он хорохорится и с воплями носится вокруг пожухлого трупика. Мама шепчет: да замолчите же, успокойтесь, а то папу разбудите. Но папа уже и так спускается вниз в майке и орет:

– Какого хрена, Эйприл, ты что, не в состоянии заткнуть своих детей, хотя бы пока я в отпуске, и потом, ты разве не собиралась за покупками?

Лейтенант Кларк Клефман замечает дохлятину, его дочь плачет, он смеется: ну, София, знаешь, на что похожа твоя лягушка? На старый китайский пельмень!

Кларк поднимает ее двумя пальцами за лапку и безразлично бросает в глубокую тарелку.

Клефманы единодушно решили похоронить Бетти, и хотя им ничего не известно о ее вероисповедании, Эйприл постановила, что она баптистка, как они сами; в конце концов, пусть она и не получила настоящее крещение погружением, как подобает верующим, зато большую часть жизни провела в воде. Так будет проще. Их *born again frog*⁷ попадет в лягушачий рай. Или же Кларк спустит ее в унитаз, так еще проще.

Бетти подарили Софии на ее шестилетие. Благодаря ей София много чего узнала о лягушках. Например, что они существуют уже триста миллионов лет, что они застали динозавров, что их тысячи видов и что атразин, определенный компонент гербицидов, опасен для них, поскольку их кожа проницаема, а ведь они “полезны, потому что поедают насекомых”. И еще, что они амфибии, как саламандры и жабы. К тому же Бетти именно что жаба, *anaxyrus debilis*, София прилежно записала это название на картонной карточке, приклеила ее на аквариум, кстати, это вполне может быть самец жабы, продавец был не особо в курсе.

– Мисс, – вздохнул Энди, – во всяком случае, имя “Энди” София прочла на его бейдже, – извините, конечно, но эта жаба хорошо если в дюйм длиной, я не могу рассмотреть репродук-

⁷ Рожденная свыше лягушка (англ.).

тивные органы, лучше придумайте ей имя, подходящее для обоих полов, скажем Морган или Мэдисон.

Но София, несмотря ни на что, назвала ее Бетти. Когда София подходит к аквариуму, Бетти прячется в норке или под камнями. Звук пылесоса тоже ужасно ее пугает. И гул самолетов, которые, взлетев из Ла-Гуардии, проносятся над Ховард-Бич. Ее поди увидь, такая она пугливая.

– Ну точно телка, – усмехается Кларк.

– Не выражайся так при Лиаме и Софии, – вздыхает Эйприл.

Кларк Клефман выудил Бетти из глубокой тарелки, София вскрикнула:

– Бетти пошевелилась, мам! Бетти пошевелилась!

– Что? Да нет, София, просто папа наклонил тарелку.

– Нет, пошевелилась. Посмотри, там на доньшке была вода! Вот она и проснулась. Мама, мама, долей ей воды, пожалуйста!

Эйприл пожала плечами, но все же взяла стакан, наполнила его и опрокинула на Бетти. Жаба пошевелила одной лапкой, потом второй и наконец воскресла, впитав словно губка всю воду, и вот уже она мечется по дну тарелки, и ее кожа постепенно приобретает утраченный зеленоватый оттенок.

– Охренеть, – потрясенно говорит Кларк Клефман.

– Она как аксолотли во время засухи, мам, помнишь аксолотлей, мы их видели, так вот, она точно так же впала в спячку и ждала сезона дождей.

– Охренеть, – повторяет Кларк. – Никогда ничего подобного не видел, эта блядская лягушка сдохла на сто процентов, мертвее не бывает, а теперь, ишь ты, дрыгается, как похотливая сучка. Охренеть.

– Кларк, пожалуйста, не употребляй такие слова при детях, – просит Эйприл.

– Я дома, блядь, и говорю, что хочу! Я, по-вашему, годен только на то, чтобы платить за квартиру и пасть смертью храбрых в этом мудацком Афгане? Задолбало, Эйприл, задолбало, слышишь?

Эйприл опускает глаза, София и Лиам застывают на месте. Воздух сгущается вокруг разъяренного Кларка.

Кларк сжимает кулаки, замыкается в себе, а то еще немного – и он тут все разгромит. Черт, в Афгане его раз десять чуть не замочили, и вот она, благодарность. Десять раз, а то и больше, да. Всем тогда было на них плевать, а что, расходный материал, они ж не сыночки политиков, как те говнюки, которые еще во время Вьетнама отсиживались в Нацгвардии. В прошлом году, ладно, в их полку заменили “хамви”, эти гробы на колесах, на “ошкоши”, массивные вездеходы, такие крутые *bad boys*, их броню, по идее, не пробить. Как же, размечтались, против бронебойных пуль они просто картонка, окрашенная в песочный цвет.

За две недели до воскрешения лягушки Бетти, по пути с авиабазы Баграм в Кабул, их “ошкош” обстреляли, и, судя по звуку, из пулемета “Застава”, который чаще используют в Сирии. Одна пуля прошла через окно задней левой дверцы, а говорили, его не пробьешь, и влетела прямо в грудь Томпсону, он вдруг отчетливо понял, что пули словно специально созданы для тела, и завопил как резаный. Томпсон был наемником ЧВК *Academi*, тот еще придурок, скорее, правда, мудака, чем псих, лишившийся своей дерьмовой работенки в филиале “Дженерал моторс”, когда завод перекинули в другую страну, потому что там точно такой же мудака изготавливал те же свечи, но за тридцать центов в час. Томпсону всего и надо было, что шале в Монтане, и для этого он служил в охране инженеров *Albemarle Corp.*: четыре месяца они изучали месторождение лития, не осмеливаясь особо удаляться от отеля “Кабул Серена”, четыре месяца пытались подписать договоры о разработке месторождений, обскакав китайцев из *Ganfeng Lithium*. Но Томпсону не повезло, армейский внедорожник *Academi* вернулся в Кабул без него. Ему пришлось выложить двести баксов, чтобы его посадили в “ошкош”, всего-

то за два часа езды по рытвинам, щебню и железнякам в депрессивный пригород, разрушенный десятью годами войны.

Пока сержант Джек хлопотал вокруг Томпсона, который харкал кровью, Кларк рванулся к пулемету и ну палить по тому месту, откуда, как ему показалось, по ним вдарили. Матерясь на чем свет стоит, он выпустил сотни пуль по двум жалким лачугам из заскорузлой глины на лысом холме, и лачуги разлетелись вдребезги.

“Ошкош” на полной скорости развернулся в сторону Баграма, где их уже ждали в операционной. Лазарет был переполнен: накануне тамошний уборщик, один из афганских подсобных рабочих, нацепив пояс шахида, взорвался возле столовой с криками “Аллах акбар!”, двое убитых, десять раненых, а все потому, что ходили слухи, будто пьяные солдаты, выжрав с десятков бутылок “Бада”, отлили прямо на кораны.

Может быть, так оно и было на самом деле: в Гуантанамо ведь бросали в камеры куски ветчины. Любая сволочь всегда сумеет прикрыться патриотизмом. Как бы то ни было, по приезде им не пришлось искать свободную койку для Томпсона, к тому моменту он уже загнулся, и в кабине все было склизким от крови. И тут уж сколько ни обливай Томпсона водой, им бы не удалось его оживить. Так что извиняйте, Кларку вообще насрать, какие он произносит слова при детях, “телка” там или “похотливая сучка”, рано или поздно им придется узнать, в каком паршивом мире они живут.

– Устал я от вашей херни, – говорит Кларк. – Давай, Эйприл, езжай за покупками и мелкого с собой прихвати. Лиам, завязывай со своей говенной видеоигрой, поможешь матери сумки тащить. София, иди сюда, засунем твою лягушку обратно в аквариум.

София смотрит, как мать молча берет ключи от машины и хватает за руку что-то бурчащего Лиама, а сама поднимается наверх вслед за отцом, который несет в тарелке живую и невредимую Бетти.

В аквариуме стоит маленькая Эйфелева башня, приклеенная к камню, потому что четыре месяца назад, на годовщину свадьбы, Клефманы ездили в Париж, Франция. Они сняли двухкомнатную квартиру в Бельвилле, и дети спали на раскладном диване в гостиной. Они посетили Нотр-Дам, Триумфальную арку, прошлись по Монмартру и Елисейским Полям. Но София еще упросила их пойти посмотреть на “земноводных”. Эйприл сдалась и повела дочь в Ботанический сад, где она впервые увидела аксолотля, удивительное существо, способное регенерировать себе глаз или даже часть мозга.

Потом София и Лиам сразу же отправились с матерью обратно в Нью-Йорк, и в самолете их так трясло, что последние полчаса они вопили не переставая. Кларк с ними не полетел; он получил новое задание, в связи с чем отбыл из Парижа в Варшаву, а из Варшавы сразу в Багдад, на этот раз для сопровождения на “С-17” двух танков “Абрамс” и сверхмощной фугасной бомбы, “матери всех бомб”, десять тонн, десять метров, чистый ужас. Кларк пробыл там девять недель и вот наконец вернулся в Ховард-Бич, так и не смыв с себя горячий металлический запах крови Томпсона.

Умница София – гордость Эйприл, она переживает, правда, что завидует собственной дочери, ее живости, любознательности. В ее возрасте Эйприл еще цеплялась за материнскую юбку и любила раскрашивать животных, особенно жеребят. Когда они с сестрами перевозили теряющую рассудок мать, Эйприл нашла дома сотни раскрасок. Обалдеть: жеребята пурпурные, жеребята индиго, зеленые и оранжевые, короче, всех цветов радуги, но всегда сплошь одни жеребята. Она и забыла. Она, честно говоря, напрочь забыла то время. Эйприл покинула родительский дом совсем юной, выйдя замуж за длинного хрупкого блондина, страшно ласкового и внимательного, он написал ей красивое стихотворение на вырванном откуда-то листке, который он молча протянул ей, смущенный собственной дерзостью:

*Play hide and seek,
I kissed April on her cheek*

*Динь-дон,
Я иду искать,
Эйприл в щечку целовать.*

Да, тогда Кларк был с ней ужасно обходительным. Не получив ни одного диплома, он попытался стать агентом по недвижимости, потом инструктором автошколы, но он взвизывался с пол-оборота, срываясь на очередной нерешительной клиентке или на водителе и нигде надолго не задерживался. Армия же обеспечила ему среду обитания, вернула утраченную гордость. В двадцать два года этого мальчишку, которому давали от силы восемнадцать, обрили наголо, выдали черный берет, а главное – бонус в пятнадцать тысяч долларов. Благодаря этим деньгам и его гарантированному регулярному жалованью, Эйприл смогла договориться о ссуде и в разгар обвала недвижимости умудрилась купить по дешевке дом в Ховард-Бич, откуда недавно выселили разорившихся владельцев; перед уходом они в ярости расколотили кувалдой все, что под руку попало – раковины, умывальник, – разнесли кухню и даже стенку спальни. Через несколько лет, когда в Антарктике отколется и начнет таять ледник Туэйтса, огромный куб льда размером с Флориду и толщиной в два километра, их дом окажется прямо в воде. Но они с Кларком и предположить такого не могли и все привели в порядок, а Эйприл, несмотря на уже довольно большой живот, сама все покрасила.

*April tender, April shady,
O my sweet and cruel lady
April blooming with pastel colours,*

*Эйприл-душка, Эйприл-тайна,
Моя дама – лед и пламень,
Ты пастельный цвет желаний.*

Шло время, у Кларка прибавилось уверенности в себе, даже авторитарности. Она уже не узнавала милого мальчика, писавшего ей стихи. Тренировки изменили его, он накачался и закоснел. Да и в постели пугливый и застенчивый юноша с нежным девичьим телом теперь вел себя грубо и эгоистично. Она начала его бояться. Но когда Кларк закончил обучение и успешно сдал выпускной экзамен, уже родился Лиам, да и София была на подходе.

*April caught in the icy storm,
April soft, so sleepy warm...*

*Эйприл крутят дождь со снегом,
Эйприл млеет в сонной неге...*

А еще несколько лет спустя Эйприл-душка, Эйприлтайна, случайно открыв книгу, валяющуюся дома у сестры, так и застыла с открытым ртом, словно выброшенная на сушу рыба. Его стихотворение, его прекрасное стихотворение, написанное лично для нее, оказалось сочинением *Fall for April* забытого английского поэта – Кларк проходил его в школе, прилежно переписал, вручил ей на первом свидании, и она, сложив вчетверо этот листок, до сих пор как дура носила его в бумажнике. Эйприл вернулась с детьми домой и всю ночь прорыдала от ярости и горя, оттого что образ из прошлого теперь окончательно померк в ее глазах и оскорблена

была память о том Кларке, с неловкостью подростка держащем в руке вырванную страничку из тетради.

April, I fall for you.

Эйприл, я в тебя влюблен.

* * *

Кларк приподнял сетчатую крышку аквариума, наклонил тарелку, лягушка упала, попрыгала на мхах и тут же нырнула в кокосовую скорлупу, свой пруд.

– Надо покормить Бетти, папа. Она, наверное, проголодалась.

– Дай ей передохнуть, милая, лучше тоже пойдешь прими ванну, поплещись, как Бетти.

София не ответила. Она слышала, как закрылась дверь внизу, стихли шаги мамы и Лиамы, хлопнули дверцы и машина тронулась с места. Кларк включил воду, проверил, не горячо ли, бросил в ванну несколько кристалликов ароматической соли и снял ботинки. София медлила. Он нахмурился:

– Пошевеливайся, Софи, ну, давай поживей, нечего копать, тут тебе не Париж...

Раздался звонок в дверь, и отец умолк на полуслове. Снова звонок, распахнулась входная дверь, Кларк чертыхнулся.

– Мистер Клефман? Миссис Клефман? Агент Чепмен, ФБР, – послышался женский голос.

– Ладно, Софи, я пошел вниз. Залезай в пену и выключи воду, когда ванна наполовину заполнится, ладно?

Кларк вышел, и до Софии донесся с первого этажа разговор отца с каким-то мужчиной на повышенных тонах, тот что-то твердо ему возражал, потом к ним присоединился еще кто-то. Они так и препирались внизу, когда в ванную постучали.

– Можно войти?

– Да, – ответила девочка.

Вошла женщина, улыбнулась, она чернокожая, коротко стриженные волосы зачесаны назад, как у мамы, думает София, и вид у нее уже не такой измученный. Офицер ФБР опустилась на колени, ласково и профессионально погладила ее по щеке: нейронауки доказали, что физический контакт является главным средством воздействия на ребенка, чтобы он перестал бояться и успокоился.

Затем она протянула ей полотенце:

– Привет, София, меня зовут Хизер. Офицер Хизер Чепмен. Быстро вытирайся, одевайся, а я тебя подожду снаружи, ладно? Не знаешь, куда ушла твоя мама?

– Они с Лиамом поехали за покупками.

Женщина вышла из ванной, достала мобильник:

– София Клефман со мной. Выясните, где находится Эйприл Клефман, наверняка поехала в ближайший “Мэйсис”, черный “шевроле-трак”, номер у вас есть. С ней ее сын Лиам.

Девочка оделась, женщина ждала ее за дверью и протянула ей руку. Внизу крики стихли, отца уже там не было.

– Пошли, София, мы заедем за мамой и твоим братом и все вместе прокатимся на машине.

– Мы потом вернемся домой? Мне надо покормить Бетти.

– Бетти?

– Это моя лягушка. Мы думали, она умерла, а оказалось, она просто высохла. Как аксолотли.

Хизер, уже вынул было телефон, убрала его обратно.

– За лягушку не беспокойся. Мы о ней тоже позаботимся. Все будет хорошо. Зови меня Хизер. Ладно, София?

– Ладно.

Джоанна

Пятница, 25 июня 2021 года.

Филадельфия

– Джоанна, – заявляет Шон Прайор, – у вас мозг что готический собор.

Джоанна Вассерман выдерживает его взгляд, умело скрывая свое потрясение. Да ладно! Собор? Готический? Пламенеющая готика, если уж на то пошло, думает адвокатесса. А почему тогда не Тадж-Махал, пирамиды там или “Цезарь-Палас” в Лас-Вегасе? Опешив на мгновение, она быстро парирует:

– Лучше уж так, чем мужские мозги.

– То есть?

– Симона де Бовуар. Отец все время говорил ей, что у нее мужские мозги.

Гендиректор “Вальдео” хихикает с понимающим видом, как будто он был закадычным другом Симоны, ее отца и их собаки. Джоанна смеется про себя. В лучшем случае у Прайора есть весьма отдаленное представление о том, кто такая эта чертова Симона, но босс фармацевтического гиганта с капиталом тридцать миллиардов долларов не может проколоться. Готический собор... Уши вянут.

Джоанна приехала в главный офис “Вальдео” в Филадельфии с молодым адвокатом из их конторы – он тоже ведет дела, а главное, таскает за ней папки. Семь лет эта фармацевтическая компания является клиентом адвокатской фирмы “Дентон & Ловелл” в том, что касается уплаты налогов и дел о поглощениях, Джоанна с ними работает три месяца и два из них общается лично с Прайором. Уже на первой встрече Прайор спросил со свойственным ему тягучим техасским выговором, который он явно культивирует, и широкой плотоядной улыбкой суперхищника:

– Скажите, мэтр, вы знаете, почему из всех обалдуев в “Дентон & Ловелл” я выбрал именно вас?

– Дайте-ка угадаю, мистер Прайор. Потому что я была лучшей в своем выпуске в Стэнфорде, скорее всего потому, что я молодая женщина, и наверняка потому, что чернокожая. А также потому, что я выигрываю все процессы против белых стариков, с которыми вы учились в Гарварде.

Прайор расхохотался:

– Да, мэтр, и еще потому, что вы единственная осмеливаетесь так мне отвечать.

– Я, мистер Прайор, взяла ваше дело только потому, что вы способны меня вынести.

Но Прайор никогда не допустит, чтобы последнее слово осталось за собеседником:

– Не забывайте все же, что я окончил еще Университет Карнеги – Меллона.

Ничья. После этой пикировки Джоанна Вассерман и Шон Прайор делают вид, что они лучшие друзья на свете. Что говорят на равных. Для Прайора это типа дело чести, так он вносит свою лепту в дело преодоления социального и расового неравенства – без перебора, разумеется. Наследник-мультимиллионер гордится и даже упивается сознанием того, что без всякого пренебрежения беседует с крутой негритосочкой из Хьюстона, получившей стипендию в рамках программы *affirmative action*⁸, дочерью электрика и портнихи, – он навел справки.

Несмотря на разделяющую их пропасть – тридцать три года, опционы на два миллиарда долларов и ослепительно-белые зубы, – они оба слишком часто называют друг друга по имени, что придает их беседе изысканный оттенок язвительного лицемерия. Говори они на каком-нибудь романском языке, они бы уже перешли на “ты”. Слово аристократ, провозгласивший себя приятелем своего садовника, Прайор убедил себя в этой вымышленной дружбе, но Джо-

⁸ Позитивной дискриминации (англ.).

анну на мякине не проведешь. Она прекрасно угадывает в ухмылке Прайора не поддающийся описанию неистребимый дух южанина, улавливает все мельчайшие красноречивые симптомы и нюансы, пропитавшие межрасовые отношения, ей хорошо знакома эта неподдельная искренность, с которой состоятельная белая дама с безупречной укладкой одаривает своего чернокожего шофера самой обольстительной улыбкой, убийственной улыбкой благорасположенности, от которой так и веет надменной уверенностью в изначальной неполноценности этого потомка рабов, ядовитой улыбкой, не изменившейся ни на йоту со времен “Унесенных ветром”, – все свое детство Джоанна наблюдала, как она проступает на напудренных лицах белых клиенток ее мамы-портнихи.

Однажды – двадцатый век подходил к концу – после уроков, когда маленькая Джоанна ждала школьный автобус, перед ней остановился черный лимузин, заднее окно с тонированными стеклами опустилось, и одноклассница пригласила Джоанну в машину, радуясь, что сможет провести с ней еще несколько минут.

– Конечно, Джоанна, – подбодрила ее мать подружки, – садись, мы сделаем небольшой крюк, чтобы довезти тебя до дому, ничего страшного.

“Ничего страшного”. Все понятно, мать скрепя сердце уступила просьбам дочери. Девочка забралась к подруге на заднее сиденье большого немецкого седана.

Дама за рулем, желая показать, как она хорошо воспитана, решила поддержать разговор: – Ну, Джоанна, кем ты хочешь стать? Ну не портнихой же, как твоя мама, надеюсь?

Джоанна не ответила. Вернувшись домой, она бросилась к матери со слезами на глазах, крепко обняла ее, потом вытащила свои тетрадки. Одна-единственная высокомерная фраза только что превратила ее в самую благодарную дочь и самую прилежную ученицу.

Двадцать лет спустя Джоанна не забыла, откуда она и куда идет. А главное, она прекрасно понимает, что в этой истории с гептахлором, с которым работают в основном женщины, и почти все цветные, боевитая чернокожая адвокатесса собьет прицел и сдержит напор оппонентов. Прайор, во всяком случае, очень на это рассчитывает. Джоанна догадалась, что он так упорно настаивал на том, чтобы именно она была его адвокатом, что “Д&Л” пришлось ее нанять, несмотря на высокие запросы, хотя она надеялась, что этим их отпугнет; ей сразу же дали клиента, одного-единственного – “Вальдео”. Более того, адвокатское бюро, где это видано, сразу возвело ее в ранг *partner*.

Большие окна в офисе Прайора на верхнем этаже небоскреба тридцатых годов выходят на реку Делавэр. Даже в ее присутствии Прайор не может удержаться и ходит взад-вперед по комнате с довольным хозяйским видом, притворяется, что забыл обо всем и просто любитесь видом на реку, скрестив руки и вздернув подбородок а-ля Муссолини. И всякий раз Джоанна терпит эти сеансы показушной медитации, тем более что их тут двое из одной адвокатской фирмы, а значит, каждая минута их рабочего времени обходится клиенту в сотню долларов. Как-то раз она все-таки решилась напомнить ему об этом. Прайор тогда выскреб из своей памяти округлую циничную фразу: если бы деньги не стоили так дорого, мы бы не придавали им такого значения... Прайор это не сам придумал, но он любит цитаты. В мире топ-менеджеров, где любая литературная культура неуместна, он превратил ее в мощный инструмент символической власти. Поэтому, когда замаячила угроза уголовного процесса по делу о гептахлоре, инсектициде, запущенном в производство до проведения надлежащих испытаний, и совет директоров начал проявлять первые признаки беспокойства, Прайор блестяще отменил принцип предосторожности: “Дорогие коллеги, я часто думаю о прекрасной поэме Ральфа Уолдо Эмерсона, которая заканчивается такими словами: «Не иди туда, куда ведет дорога. Иди туда, где дороги пока нет, и оставь свой след». Так что да, в бесконечной борьбе за возможность накормить человечество мы оставили свой след”.

Гептахлор... Джоанна сидит сейчас в офисе Прайора из-за этого вещества, мешающего некоторым насекомым преодолевать личиночную стадию. В начале двухтысячных “Вальдео”

синтезировал его, но с тех пор патент перешел в собственность государства, и гептахлор производят теперь и другие компании. Выяснилось, что это не просто чрезвычайно канцерогенное соединение, даже в слабых дозах, но и эндокринный разрушитель. Адвокатская фирма Остина Бейкера подала *class action*⁹, и “Вальдео”, скорее всего, придется выложить сотни миллионов долларов.

– Шон, давайте перейдем к делу, если не возражаете. На сегодняшний день шестьдесят пять больных обвиняют “Вальдео” в небрежности, и я не исключаю, что это нам дорого обойдется.

Джоанне очень нравится неологизм “небрежность”, подразумевающий отсутствие преднамеренности, ей также весьма по душе местоимение “нам”, показатель того, как близко к сердцу ее контора принимает интересы клиента.

– Скажите мне, Шон, – продолжает она, – сможет ли Остин Бейкер представить доказательство того, что в “Вальдео” знали о вредности вещества и скрыли этот факт от людей, которые с ним работали?

– Не думаю, что это им удастся.

– Если вам зададут подобный вопрос в суде, отвечайте что угодно, кроме “не думаю, что это им удастся”. Он сформулирован достаточно провокационно, я бы точно заявила протест. Для начала повторите, что вещество абсолютно безвредно.

– Конечно безвредна. Клинические тесты, проведенные нами в свое время, противоречат независимым исследованиям, на которые ссылается Остин Бейкер.

– Прекрасно. Но лучше все же повторить. Это будет слово одних экспертов против слова других, Шон. Проблема в вашем бывшем инженерере Фрэнсисе Голдхагене. Он уверяет, что “Вальдео” не учла анализы, доказывающие вредность гептахлора.

– У нас возникли сомнения, и мы решили не принимать во внимание эти заключения. Кроме того, мы собрали сведения о его личной жизни и готовы доказать, что он склонен лгать, по крайней мере своей жене.

Адвокат вздохнула. Процесс, выигранный такими методами, рано или поздно повредит имиджу фирмы. Но проиграть его в краткосрочной перспективе тоже не вариант.

– Я не хочу его дискредитировать таким образом. “Вальдео” это славы не прибавит, да и юстиции тоже.

– Знаете, Джоанна, юстиция – как материнская любовь, хороша в меру... Кстати о семье, Джоанна, как ваша сестра?

Он все знает, тут же поняла она. Разумеется, Прайор собрал информацию, нащупал трещины в ее броне, Прайор в курсе, что в феврале этого года у ее младшей сестры диагностировали первичный склерозирующий холангит. Он также догадывается, что Эллен, будучи студенткой, наверняка оформила обычную медицинскую страховку и только потом с ужасом поняла, что она не покрывает орфанные заболевания вроде ПСХ. Прайор считает, что Джоанна согласилась на хорошо оплачиваемую работу в “Дентон & Ловелл” ради Эллен. Без трансплантации печени за двести тысяч долларов она уже была бы на том свете, и теперь приходится раскошелиться минимум на сто тысяч каждый год, чтобы она прожила еще, скажем, десять лет, ну пятнадцать, в надежде, что ее хрупкое тело сумеет противостоять холангиту, что она продержится до тех пор, пока не найдут лечение – если найдут. Прайор ошибается. Зарплата, конечно, сыграла свою роль, но Джоанне хотелось получить эту должность, достичь пика своей карьеры, взойти на гору денег, с вершины которой она будет наконец созерцать размах своего реванша.

Гендиректор продолжает очень серьезным тоном и, насколько может, сокрушенно:

– То, через что ей приходится пройти, просто ужасно. Поверьте, я всем сердцем с вами.

⁹ Коллективный иск (англ.).

– Я... очень тронута.

– Если вашей сестре что-нибудь понадобится, Джоанна, кому, как не нам, вам помочь. Клиника, медикаменты, новые методы лечения.

– Спасибо, Шон. Пока что надо, чтобы пересаженная печень прижилась. Но я не забуду о вашем предложении. Пожалуйста, давайте вернемся к *class action* против гептахлора. Я попрошу моего коллегу, мэтра Спенсера, вкратце изложить вам нашу стратегию защиты.

Не успел молодой адвокат закончить, как Шон кивком подтвердил, что согласен с планом “Дентон & Ловелл”. Пожав им руки, он дал понять, что встреча окончена. Но когда Джоанна выходила из его кабинета, он окликнул ее:

– Джоанна, я хотел предложить вам кое-что. Не согласитесь ли поучаствовать в заседании нашего Дольдер-клуба в субботу вечером, то есть завтра. Вы ведь слышали про Дольдер?

Джоанна кивает. Слышала. Страшно эксклюзивный клуб, еще более закрытый, чем его прототип Бильдербергский клуб. Но если Бильдербергский клуб собирает раз в год за закрытыми дверями около сотни влиятельных особ мира политики и бизнеса, то в заседаниях Дольдерского клуба участвуют лишь два десятка боссов *big pharma*: уже пятьдесят лет никто не знает ни когда проводятся эти встречи, ни о чем там идет речь. Возможно, заговорщики обсуждают цены на лекарства, затевают всякие аферы и определяют перспективные направления развития. Отрываются по полной. Прайор улыбнулся:

– Я представлю вас как своего личного консультанта, кем, на мой взгляд, вы и являетесь. Ежегодное совещание проводится на этот раз в США, так что моя очередь, как американца, произнести приветственную речь. Тема вас заинтересует – “Конец смерти”. Юлиус Браун, да, будущий лауреат Нобелевской премии, расскажет о своей работе по филогенетике эмбриона, а то, что сообщат следующие два докладчика, вас просто поразит. Извините, что предупреждаю вас в последний момент, но вам известно, какая паранойя царит в нашей сфере. Жду вас на Манхэттене, в Верхнем Ист-Сайде, в салоне “Ван Гог” отеля “Саррей”. Сможете подъехать к восьми?

Джоанна пытается придумать, как сказать, что да, это большая честь, Шон, но, к сожалению, вы слишком поздно мне сказали, и я боюсь, что мне не... И она инстинктивно кладет руку себе на живот первобытным защитным жестом. А вот этого Прайор не знал: Джоанна беременна.

Ровно семь недель назад, между проглоченными на бегу сашими и встречей *partners*, она сделала тест на беременность в туалете “Дентон & Ловелл”. И когда в окошечке появились две полоски гранатового цвета, у Джоанны захолонуло сердце от радости.

Любимый человек Джоанны – газетный иллюстратор. В конце октября прошлого года, когда одним своим рисунком он оскорбил чувства некоего неонацистского лидера и тот подал на него жалобу, Джоанна представляла в суде газету и послала оппонентов в нокаут. “Келлер против Вассермана” отныне считается прецедентом: тот факт, что на рисунке или в любом другом месте написано, что у белого супремасиста отсутствует серое вещество, – это не оскорбление, а мнение, а то и диагноз. Короче, пара пустяков, как оказалось. В тот же вечер Эби Вассерман пригласил ее на ужин в “Томбу”, дорожный ресторан, явно ему не по карману, и в конце ужина, поскольку любовь живет правотой сердца, спросил, сильно запинаясь, какие у нее планы на ближайшие столетия. Он удержался и не сказал, что создан, чтобы любить ее и следовать за ней, хотя именно так и думал в глубине души. Джоанна тоже ни секунды не колебалась. Он подарил ей перьевую ручку. Вот, Джоанна, это *Waterman*, очень похоже на мою немецкую фамилию, ну... фамилию, которую я бы очень хотел, чтобы ты носила, но знаешь, я вообще-то могу и твою взять. Джоанна сняла с ручки колпачок и молча написала на белой хлопчатобумажной скатерти “Джоанна Вудс-Вассерман”, стараясь не прослезиться. Хозяин ресторана разрешил им забрать скатерть с собой.

Они сразу же захотели родить ребенка и приняли все необходимые меры для достижения этой цели, причем принимали их очень часто, очень подолгу и везде, где придется. Врач утверждает, что именно между возвращением Джоанны из Европы в начале марта на том жутком рейсе, когда она поклялась себе выйти за него замуж, если выживет, и свадьбой в начале апреля их гаметы встретились и сразу же слились воедино. Они по гроб жизни будут благодарны белому супремасизму. И кстати, предложил еврей Эби (уменьшительное от Авраама), если у нас будет мальчик, мы назовем его Адольфом. Только если это будет второе имя, смеясь, посадила его Джоанна. И тут же обругала себя, что так веселится, в то время как ее сестру ждет медленная агония. Но счастье весом в несколько граммов росло внутри нее и занимало собой все пространство.

Прайор не отставал:

– Джоанна? Дольдер?

Завтра вечером? Вряд ли выйдет: она планировала отпраздновать три месяца беременности с родителями... С другой стороны, отправиться к черту в пекло тоже заманчиво.

Джоанна не успела ответить, потому что на рабочем столе Прайора зазвонил тяжелый черный телефон, настоящий раритет из бакелита.

Он раздраженно схватил трубку:

– Я просил меня не беспокоить... Ладно... Я ее предупрежу.

Прайор повернулся к Джоанне с заинтригованной улыбкой:

– Вы удивитесь, Джоанна, но вас ожидают в приемной. Два офицера ФБР. Тем не менее я надеюсь, вы составите нам завтра компанию, если они, конечно, согласятся вас отпустить.

Дело Месея

Виктор Месель упал с балкона в четверг, двадцать второго апреля. Обед Клеманс Бальмер в “Ростане” отложился на более поздний час, и она решила пройтись по Люксембургскому саду, благо вход в него прямо напротив кафе, но тут у нее на компьютере тренькнул мейл от Месея. Клеманс нравится Виктор, он талантливый писатель, и хотя порой создается впечатление, что он импровизирует, на самом деле у него все досконально продумано. Его романы всегда строго выстроены и легко читаются, притом что написаны очень литературным языком. Он никогда, в общем, не повторяется, и Бальмер, работая с ним, всякий раз испытывает радость профессионала. Слава все никак к нему не придет, что есть, то есть, но, может быть, когда-нибудь читатели... Никто не застрахован от успеха. В любом случае Меселю наплевать. “Неудавшиеся провалы”, его последний роман, стал номинантом на премии Медичи, Гонкур и Ренодо, но исчез спустя две недели, так и не попав в шорт-листы; расстроившись и разозлившись, она позвонила автору, чтобы утешить его, но через несколько секунд уже он ее успокаивал, спросив, свободна ли она завтра – у него два приглашения в театр “Одеон”. Нет, с него правда все как с гуся вода.

Клеманс скинула прицепленный файл в читалку, рефлекс издателя. И тут же, привлеченная названием “Аномалия” – оно показалось ей гораздо жестче и острее всех предыдущих – и не увидев в мейле ни единого слова про текст, открыла его. И поразилась.

Клеманс Бальмер читает быстро, это ее работа, и через час заканчивает книгу. “Аномалия” не похожа ни на что, выходящее до сих пор из-под пера Виктора. Это не роман, не исповедь, не бессвязная последовательность броских фраз или искрометных афоризмов. Это странное произведение с тягучим ритмом, от него невозможно оторваться, и Клеманс угадывает между строк, какие авторы повлияли на Месея – от Янкелевича до Камю, Гончарова и многих других. Мрачный, очень личный текст, где даже в издевке есть что-то болезненное:

Господи, какой же хренью мироточит религиозный дух. Всякая убежденность убивает интеллект. Верующие явно лишились разума, превратив смерть просто в очередную неурядицу. Сомневаясь во всем, я полагался только на себя и поэтому еще острее наслаждался каждым мгновением жизни. Меня никогда не переполняют мистические чувства, даже при созерцании божественного сияния небес. Если мне суждено будет тонуть, я попытаюсь выплыть, ну не молиться же Архимеду. Но сейчас я иду ко дну, и перед моими глазами разверзаются бездны, чуждые каким-либо теоремам.

Внезапно встревожившись, Клеманс Бальмер решила немедленно позвонить Меселю. На мобильный, потом на домашний. Ответил ей полицейский. Узнав, что случилось, Бальмер была потрясена, убита. Когда она отвечала на вопросы офицера, ее охватила бесконечная печаль, смешанная с дикой яростью. Когда же она видела Виктора в последний раз? В начале марта. Они ужинали у “Липпа”, отмечали его премию за перевод, он взял, как всегда, колбаску из потрохов, она – парижский салат, они пили “Пик-Сен-Лу”, и она ни о чем не догадалась, вообще ни о чем, не усмотрела ни в одной фразе своего друга тревожных знаков. Клеманс перечитала “Аномалию” в свете объявленной в ней катастрофы. Заметила, что роман подписан Виктором Меселем, с ∅ – символом пустого множества. Трагическая бравада.

Бальмер сообщила новость всем, кому могла. Родителей Месея, его брата и сестры уже нет в живых. Но есть Ияна Лескова, молодая преподавательница русского в Школе восточных языков, бросившая его после года бурного романа, к тому же дочь внучатой племянницы Николая Лескова, которого переводил Виктор. Ияна с глубоким внутренним убеждением то и дело восклицала *Bozhe moi!* “Какой ужас!”, “Не укладывается в голове!” и поспешила распро-

щаться. Клеманс вспомнила недавно прочитанные слова Месея: “Никакой жизни не хватит, чтобы понять, до какой степени всем на всех наплевать”.

Издательница взяла все в свои руки, оповещение друзей, похороны – гражданские, само собой, – и заказала объявление в разделе некрологов “Монд”.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ОРАНЖЕ”, КЛЕМАНС БАЛЬМЕР И ВСЕ
СОТРУДНИКИ С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЮТ О
КОНЧИНЕ ВИКТОРА МЕСЕЯ, ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА, ПЕРЕВОДЧИКА И
ДРУГА.

Клеманс сочинила подробный пресс-релиз для агентства Франс Пресс, перечислив самые выдающиеся переводы Месея и романы, получившие положительный отклик критиков. И добавила, что в ближайшее время будет опубликовано уникальное сочинение и что автор поставил в нем точку как раз перед тем, как совершить свой роковой поступок. Она включила в прессрелиз три отрывка из “Аномалии” и, хотя вообще не по этому делу, налила себе глоток виски и медленно выпила его, шотландский *single malt*, который так любил Виктор.

На следующее утро в “узком кругу” – если так можно выразиться, потому что собралось все издательство, в том числе даже двое практикантов, – она твердым голосом зачитала начало текста. Оба редактора книжной серии одобрительно покивали, коммерческий директор настоятельно порекомендовал выпустить “Аномалию” в кратчайшие сроки, не решаясь, правда, приводить некрофильские аргументы: критика и читатели будут в восторге от романа с историей, завершеного прямо перед гибельным прыжком. Уже ведь был прецедент, думает он, тринадцать лет назад, как его там, писателя этого? Можем мы хотя бы поменять название, чтобы как-то отобразить трагический финал? – предложил менеджер по маркетингу. Нет, не можем, сухо отрезала Клеманс Бальмер. Тогда манжетка, суперобложка? Тоже нет. Ну на худой конец, давайте хоть напишем *Victor* вместо *Victor*, для библиографической базы данных “Электра” такая орфография будет гораздо практичнее, нет? Нет.

Корректуру сделали за выходные, в понедельник сверстали, копии первой верстки немедленно отправили журналистам, в конце недели “Аномалию” заслали в печать, и типограф запустил машины в тот день, когда Месея кремировали на кладбище Пер-Лашез. Его прах еще не развеяли, а книга уже ушла в распространение. Это рекорд, издательские работники редко проявляли такую расторопность с момента выпуска биографии Леди Ди. В первую среду мая стопки “Аномалии” уже громоздились во всех книжных магазинах. Бальмер решила дать ей все шансы на успех и напечатала сразу десять тысяч экземпляров, ограничившись простой синей манжеткой с фамилией месель.

Успех пришел мгновенно. Отдел культуры “Либерасьон” отдал роману целый разворот, как они и обещали, “Монд де ливр”, обойдя молчанием все его предыдущие книги, искупил свою вину длинным комплиментарным некрологом, где сказано, в частности, что “издательство «Оранже» следует поздравить с публикацией романа Месея”, телепередача “Гранд Библиотека” откопала для специального выпуска все возможные видеосюжеты с участием Виктора, “Франс кюльтюр” посвятила ему три программы, короче, делу Месея был дан ход. Клеманс срочно допечатала “Неудавшиеся провалы” и даже его роман пятилетней давности “Горы сами к нам придут”, последние экземпляры которого, так и лежавшие на складе, чуть было не пошли под нож.

Бальмер согласилась также поучаствовать в нескольких вечерах памяти. Актеры проводили читки в книжных магазинах, в парижском Доме поэзии организовали “Ночь Месея”, и, стоя перед переполненным залом, один знаменитый актер с красивым низким голосом, буквально потрясенный “Аномалией”, прочел ее от начала до конца за четыре часа. В публике сидела Ияна, вся в слезах. Май не самое подходящее время для издания романа, если он может принять участие в гонке за премиями в начале литературного сезона, но от Месея,

бормотали себе под нос члены жюри, все равно никуда не деться. Премия Медичи уже у всех на устах.

В том же мае создается “Общество друзей Виктора Месея”, разношерстная группа товарищей и поклонников, хотя они, само собой, далеко не все его знали и даже читали. У Месея теперь переизбыток “лучших друзей”: от месье Т., денди с писклявым голоском, всегда в черном пиджаке в обlipку, до некоего Салерно – Сильвио, Ливио? – его “старинного приятеля”, о котором Клеманс Бальмер никогда ничего не слышала. Вскоре общество переименовало себя в “ДруВиМе”, потом в “Аномалистов”. Ильяна тоже член общества, и, творчески переработав историю их бесславного романа с Виктором, мадемуазель Лескова постепенно поднялась до трагического и исполненного достоинства статуса официальной вдовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.